

Татьяна
ЯНКОВСКАЯ

ДАЛЕКОЕ-
ДАЛЕКОЕ
ЛЕТО

Татьяна Янковская
Далекое-далекое лето

«Алетейя»

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Янковская Т. В.

Далекое-далекое лето / Т. В. Янковская — «Алетейя»,

ISBN 978-5-00165-071-3

Истории, собранные в этой книге, очень разные – драматические и юмористические, трагические и лирические. Они рассказывают о прошлом и настоящем людей, нашедших или не нашедших себя на родине или в эмиграции, о влиянии случая и личного выбора на судьбу. Место действия – Россия, Украина, Америка, Израиль, Мексика, Швейцария. Это отражение сегодняшней реальности: люди, говорящие на русском языке, живут в разных странах и путешествуют по всему миру. Обширны как пространственные, так и временные рамки – от Гражданской войны в США до Великой Отечественной, от Крыма 1930-х годов до Ленинграда 60-х и 70-х, от Приазовья и Финского залива до Карибского моря и Иудейской пустыни, от одесского рынка до альпийского горнолыжного курорта. Цикл прозаических миниатюр «Раскраски для взрослых» еще более расширяет круг тем и персонажей, разнообразит стиль и интонацию повествования. Это как эскизы к большому полотну, которые порой оказываются выразительней законченной картины. Читатель приглашается к сотворчеству, размышляя вместе с автором, сопоставляя предлагаемые аналогии в судьбе героев и довершая картину в соответствии с собственным опытом.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00165-071-3

© Янковская Т. В.

© Алтейя

Содержание

От автора	6
«Вообще здесь красота, и русских полно...»	7
Рассказы	9
Если б не рейтузы	9
В то далекое-далекое лето	17
Монолог педикюрши	22
Предложение	29
Моня, сын Абы	34
1. Моня	34
2. Аба	39
И вот она стоит ласточкой на камне	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Татьяна Янковская

Далекое-далекое лето

От автора

Моим первым печатным произведением стала опубликованная в последнем парижском «Континенте» статья о талантливом барде Кате Яровой, с которой меня свела судьба во время её приезда в США в 1990 году. Этот номер журнала дошёл до Кати незадолго до её смерти в 1992 году. А моя первая повесть возникла как продолжение разговора с ней, который, начавшись, так и не завершился. Со знакомства с Катей началась и еще одна полоса моей деятельности – в 90-е годы я занималась организацией концертов деятелей русской культуры в Олбани, столице штата Нью-Йорк. Одновременно я начала писать о событиях культурной жизни в Америке, связанных с Россией и эмиграцией, а также литературно-критические и публицистические статьи.

Параллельно со статьями продолжала появляться проза. Первые две книги, «М&М. Роман в историях» («Эра – Летний сад», 2008) и «Детство и отрочество в Гиперборейске, или В поисках утраченного пространства и времени» («Время», 2012), полностью разошлись. Третья, «Раскраски для взрослых», вышла в Америке (M-Graphics Publishing, 2016) и не была доступна читателям других стран. В 2019 году издательство «Алетейя» выпустило мою книгу «Когда душа любила душу. Воспоминания о Кате Яровой», которая представляет собой сплав мемуарной прозы, литературоведения и публицистики. В предлагаемой книге представлена большая часть повестей и рассказов, вошедших в первую и третью книги, которые могут заинтересовать сегодняшнего читателя, но недоступны на книжном рынке.

Мои герои, как реальные, так и вымышленные, пересекают границы стран, континентов и эпох, скитаются, возвращаются к истокам или врастают в новую жизнь. Некоторым из них удаётся не только достигнуть своих личных вершин, но и повлиять на жизнь окружающих – кому-то в своём тесном углу мироздания, кому-то за пределами своей среды, страны и даже жизни. Они «наводят мосты» между прошлым и настоящим, между разноязыкими носителями различных культур. На нашей планете мы все соседи, и у нас много общего. Неслучайно повесть «Déjà vu», насыщенная такими узнаваемыми деталями советской повседневности, была написана мною под впечатлением громкого скандала, в который был вовлечен американский президент.

Как я писала в предисловии к своей первой книге, я не жгу мосты. Я за то, чтобы обновлять старые и строить новые, которые станут естественной и необходимой частью нашей жизни, как прекрасные мосты города на Неве, где я родилась, и грандиозные мосты города на Гудзоне, где я живу сейчас.

Татьяна Янковская
Нью-Йорк

«Вообще здесь красота, и русских полно...»

Я познакомилась с творчеством Татьяны Янковской через американский электронный журнал научной фантастики «Невероятные истории» (www.bewilderingstories.com), где была опубликована английская версия её рассказа «Если б не рейтузы». Рассказ меня заинтриговал, и я стала отслеживать её публикации в русскоязычных журналах. Каждый рассказ – это искусно приготовленный аперитив, в котором соль, сладость и пряность идеально сбалансированы. Не возникает ощущения тяжести или пресыщенности. Хочется продолжения. Мне отраднo, что вышел очередной сборник работ этого прозаика. Когда эти аперитивы подают на одном блюде, они друг с другом гармонируют, вызывая неповторимые гастро-литературные ощущения. Такое впечатление, что у автора гиперактивные вкусовые железы, которые способны схватывать оттенки и привкусы, которые не сразу схватывает рядовой читатель-дегустатор. Её глаз замечает мельчайшие детали. Вот почему талантливый автор должен владеть не только словами. Он в первую очередь должен максимально владеть органами чувств.

Я немного завидую Янковской белой завистью, потому что ей довелось лицезреть то, что я видела лишь мельком, на расстоянии, в искажённом виде – помпезность американской культуры 80-х годов. Янковская застала Рейгановскую эру, интересную с политической, социальной и культурной точки зрения. Для меня как ребёнка 80-х годов всё, связанное с Америкой и Рейганом, рисовалось неким Святым Граалем западной культуры. Сдаётся мне, эстетические соображения Янковской сформировались не без влияния американской популярной музыки, литературы и кинематографии. Она не производит впечатления человека, который закапсулировал себя в ностальгии. Она выражает свои мысли как истинный билингв, как человек, успешно и гармонично интегрированный в американское общество. Она отлично помнит брежневские реалии и очень живо их возрождает в своей прозе. Повесть «Дежа вю» – это просто алмаз институтской комедии. Сколько мастерства нужно, чтобы описать пресловутую бурю в стакане воды, именуемом НИИ. Я смеялась и плевалась вместе с главной героиней. Повесть «Несостоявшийся роман», написанная в конце 90-х годов, вообще достойна пера Джеймса Джойса – если бы тот писал по-русски.

В её творчестве много иронии, присущей пронизательному человеку с аналитическим складом ума, но эта ирония человечная, без фарисейского элемента. Мне доводилось читать немало иммигрантской прозы, и очень многое пронизано какой-то однобокой горечью и озлобленностью. «Ах, эти тупые америкосы. Хлеб у них как картонка. Овощи-фрукты кислые и водянистые. То ли дело, у меня на даче под Черниговом...» Есть и противоположная крайность, когда люди с омерзением описывают своё прошлое в «проклятом совке». Я не говорю, что эти гневные иммигрантские речитативы сами по себе не имеют художественной ценности. Вовсе нет. Они имеют место быть как одно из течений в творчестве русскоязычной диаспоры. Возможно, такой тон даёт резонанс. Должна лишь предупредить читателей, вы не найдёте ничего подобного в прозе Янковской. Она может красочно, тепло и убедительно описать даже то, что само по себе безобразно. В ней чувствуется жизнелюбие, которое она всё же не навязывает читателям. Она не вопит «Жизнь прекрасна!», а уважает личное пространство более пессимистически настроенных читателей. Она тронула даже такого закоренелого мизантропа, как я. И, безусловно, самоирония автора располагает к себе. Свои зарисовки, которые англоязычные авторы именуют «flash»¹, она называет рассказами-недоростками. Но это уже добродушное материнское кокетство. Русские мамы любят называть своих детей «оболтусами» и «бездельниками».

---

¹ Flash – вспышка, мгновение, короткий кадр (англ.).

*Марина Ниши, писатель
Стэмфорд, Коннектикут, США*

Рассказы

Если б не рейтузы

Новый русский на горе раздраженно отдавал кому-то распоряжения по мобильнику. Красиво жить не запретишь – покричал так на кого-то с альпийской вершины, оттолкнулся и поехал. А на другом конце какое-нибудь чмо в Москве или Омске будет бегать, высунув язык, чтобы угодить боссу.

Вообще здесь красота, и русских полно, как во всех стоящих местах. Когда вчера Ксения отстала на склоне и на развилке крикнула: «Саша, как ехать к подъемнику?», надеясь, что он услышит, какой-то мужичок в красном обернулся и показал ей палкой: «Вон туда и направо». А когда после ланча Саша захотел ее сфотографировать на фоне гряды гор и она встала у каменной ограды на краю обрыва, высокий мужчина поднялся от ближнего столика и поставил на ограду недалеко от нее тарелку с бифштексом и жареным картофелем, озадачив Ксению, и на тарелку тут же села одна из летавших вокруг ворон и стала жадно есть мясо, вызвав поощрительные возгласы от столика, конечно же, по-русски. Кто же еще станет кормить ворон, когда табличка на стене ресторана запрещает кормление птиц, – да не хлебными крошками, а поставив им порцию серьезной еды! Ксении стало весело.

Сначала она позировала Саше на фоне красавца Маттерхорна, потом увековечила его на этом же фоне. Говорят, это самый фотографируемый природный объект в мире, и не удивительно. Потом Сашка затащил ее на какой-то склон, она с него еле спустилась. Ксения катается осторожно, не ищет приключений, и крутизна ее пугает. Она любит ездить по карте, он – куда глаза глядят. Один раз покатил в сторону Италии, она вовремя успела прочитать надписи на указателе и не повернула за ним, а то пришлось бы пешком вверх чапать, как Саше, когда он сообразил, что не туда уехал. Из-за этого опоздали на последнюю обратную гондолу. Можно было бы и так, на своих двоих скатиться, но внизу склоны узкие и льдистые, пусть там черт ногу ломает, а ее увольте. К счастью, оказалось, что через полчаса вниз шла еще одна гондола, для obsługi, и они смогли спуститься на ней.

Сегодня Ксения вернулась с катания рано, понежилась в ванне в отеле и пошла гулять. Вот симпатичное кафе с швейцарскими сладостями и печеностями, со столиками на залитой солнцем открытой террасе. Вечером в ресторане гостиницы большой обед – китайское фондю, так что наесться ни к чему, а перекусить надо. Ксения заказала яблочный штрудель с ванильным соусом и глювайн – горячее сладкое вино с пряностями. Соус ничего особенного, похож на гоголь-моголь, а глювайн наполняет сладостью и теплом все тело, голова начинает кружиться – не от вина, а от счастья. Потому что ведь это счастье – солнце, снег, горы, альпийский городок, перерезанный надвое шумной рекой, она, все еще молодая и красивая, ощущающая приятную усталость в мышцах после катания и крылатую легкость в ногах, как всегда после пудовых лыжных ботинок, а среди мелких фигурок на одном из склонов Сашка, ее муж, сумасшедший лыжник. Он будет кататься до упора, а потом вернется, сходит в сауну и в бассейн – без нее, она боится простудиться, и они пойдут куда-нибудь вместе.

Вдоль реки расположены маленькие отели, многие с ресторанами на первом этаже. На низкой проволочной изгороди стоят торчком надетые кем-то две перчатки, как будто огромные, набитые поролоном слепки рук. Почему-то вспоминается французский фильм «Под песком» – муж ушел купаться и исчез, только вещи остались лежать на пляже. Тело не могут найти, и жена не верит, что он утонул. Может, просто ушел, ничего не сказав? Режиссер все время намекает, почему это могло бы произойти. Они жили рядом, но не вместе. Это видно зрителям, и муж это понимал, а она нет. Она просто такая, какая есть. В конце концов тело

нашли, но она все равно не хочет верить – ей легче жить, защищаясь фантомом от нового *вместе*, которого добивается новый любовник, потому что *рядом* его не могло бы устроить. А ведь многие живут так всю жизнь – одни потому, что оба равнодушны и заняты собой, а брак дает определенные удобства. Или ребенок их держит. Или не хотят признавать, что совершили ошибку, женившись, или боятся остаться в полном одиночестве. Жалко тех, кого только это и связывает друг с другом.

Улицы постепенно заполняются возвращающимися с катания лыжниками с лыжами на плечах, неуклюже переваливающимися с пятки на носок в своих тяжелых ботинках. Некоторые мужчины несут по две пары лыж – свои и партнерши, а другие женщины сами тащат свои лыжи. Интересно, можно ли по тому, кто несет лыжи, судить об отношениях этих пар – кто из них вместе, а кто просто рядом? Несет мужчина лыжи потому, что внимателен, или потому, что подкаблучник?

Ксения возвращается в отель, надевает купальный халат и садится с книжкой на балконе, подставив солнцу голые ноги. Что значит высота – вокруг снег, но на солнце так тепло, что можно загорать. Хорошо! Солнце скользит потихоньку к склону, противоположному Маттерхорну, напоминающему огромного зверя, вскинувшего голову, освещает его грудь с застрявшим в складках снегом.

Становится прохладно. В номере она включает телевизор – надо же, у них есть русский канал, РТР Планета. Где же Сашка? Шесть часов, уже темнеет. Ксения звонит ему по мобильному, но ответа нет. Может быть, он на таком склоне, где связь плохая. Полседьмого. Даже если он спустился с обслугой, как вчера, или своим ходом, уже давно должен был прийти. Скорей всего укатил в Италию, специально или по ошибке, и застрял, не успев на последний подъемник, чтобы вернуться на швейцарскую сторону. Саша с первого дня мечтал спуститься в Червинию, покататься там, поесть ланч и итальянское мороженое, посмотреть на Маттерхорн с той стороны, где его называют Червином, и вернуться обратно. Но почему он не позвонил? Мобильник разрядился, так есть телефоны-автоматы, а кроме того, если уж застрял, должен же он пойти в какую-нибудь гостиницу переночевать – обратной дороги нет, все заблудившиеся и опоздавшие остаются там до утра – и мог бы позвонить оттуда.

Она позвонила ему на трубку, оставила мессидж. Он не ответил и не перезвонил. Ксения решила выдержать характер и больше не звонить. Но время шло, и она стала звонить все чаще и чаще. С одной стороны, бессмысленность этих попыток была очевидна, а с другой... Вдруг он упал, лежит без сознания в лесу или на склоне, и она позвонит как раз в тот момент, когда он придет в себя. Или знакомые звуки куплетов тореадора заставят его очнуться и позвонить. Семь часов... Что-то тут не так, надо пойти заявить менеджеру.

Белокурая Инге успокаивает Ксению: случаи, когда люди пропадают, крайне редки, а вот в Италии, бывает, остаются. Но все всегда звонят к этому времени. Если бы она знала, что Сашка – не все! Небось, радуется, что дорвался до Италии, сидит где-нибудь, пьет пиво или мороженое ест, и совершенно не думает, что кто-то может волноваться. Пусть себе теряется, пьет, ест, но надо же сначала позвонить!

Через полчаса Инге уже не успокаивает Ксению и звонит, куда положено звонить в таких случаях. «За двадцать лет, что я здесь работаю, первый раз мне приходится объявлять тревогу». Александра нет среди поломавшихся сегодня, и ничего не было замечено и доложено, что помогло бы узнать, что с ним. Подходит девушка из бара: по телевизору показывают, что сегодня в Зермате пропали муж с женой. Пошли бродить по целине на снегоступах и не вернулись. Подозревают, что они провалились в расселину, их мобильные не отвечают. Может, и Сашка лежит так где-нибудь в расселине и замерзает? Надо звонить, звонить ему постоянно, может быть, звонок разбудит его, и он что-нибудь придумает, выберется. А если он сломал ногу? Инге снова звонит в кризисный центр. Про Александра по-прежнему ничего неизвестно, а на поиски пропавшей пары уже послали вертолет, но их не нашли. Предполагают, что они

погибли, завтра продолжат искать тела. Ксения интересуется, можно ли вызвать вертолет на поиски Саши. Инге пишет название службы и номер телефона – Ксения может позвонить туда, если захочет. Стоить все это будет немалых денег.

Что же лучше? Вызвать и начать поиски сразу? Но что они найдут в темноте? Ждать до утра? А если до утра он замерзнет или истечет кровью и умрет? Что обычно делают в таких случаях? Но такого случая Инге и барменша не припомнят. Они переживают вместе с Ксенией. «Если с вашим мужем все в порядке, с него шампанское. Задал нам тут всем работы! – говорит Инге. – А вообще, я удивляюсь вашей выдержке. Другая на вашем месте уже билась бы в истерику, самой бы впору скорую вызывать. Я тут навидалась разных нервных жен за двадцать лет».

Что она знает, эта славная швейцарская немка? Если б не рейтузы, если б не те рейтузы, связанные за одну ночь много лет назад и сделавшие ее виртуозом вязания, вертолет бы уже летел, и Сашку, если он жив, паршивец, ждал бы назавтра солидный счет. А у Ксении благодаря тому случаю есть закалка. В глубине души она верит в Сашкину счастливую звезду, которая сбережет его, и знает его ничем не объяснимое... Что? Безответственность? Бесчувственность? Неспособность к состраданию? Непрактичность? Привычка к жизни, обращенной вовнутрь? Инфантильность? Черт его знает, что это такое – наверно, все вместе. Она вспоминает старую историю, и это помогает сдерживать нарастающую панику.

Наверное, сейчас многие молодые мамы не умеют вязать. А зачем? Все можно купить. Если дорого, купишь на распродаже. Но в 80-е годы в России невязавшая женщина была такой же редкостью, как и женщина без единой пломбы во рту. Ксения была как раз такой женщиной. Она не только не вязала, но и пломб не имела, чем повергала в священный ужас впечатлительных зубных врачей. Когда беременной она пришла провериться к зубному, врач ахнула и позвала работавших в том же кабинете коллег заглянуть ей в рот. А спустя несколько лет на медосмотре в НИИ, где Ксения работала, приглашенная дантистка так возбудилась, проверяя ее зубы, что вышла в коридор и позвала людей из очереди, чтобы те разделили ее профессиональный восторг. «Вы только посмотрите, какие зубы! Здоровые, красивые. Как это вы их сохранили? Никогда не видела, чтобы в тридцать лет у женщины не было ни одного плохого зуба. Где вы росли, что ели?».

Вот и Вика туда же: «Боже мой, Ксенька, ну где ты росла, откуда взялась такая? Вроде не безрукая, а петли накидывать никак не научишься. Вот, смотри». Но сколько Ксения ни смотрела, все было без толку. Вика, например, петли сверху накидывала, а Ксюшина мама их как-то снизу поддевала. Ксения пробовала и так и эдак, но не втянулась. Тут ведь прочувствовать надо, до автоматизма дойти. И как это люди вяжут и при этом еще телевизор смотрят? Так что если Ксения покупала хорошую шерсть или распускала старый свитер, то мама вязала ей шарф и шапочку, а Вика говорила: «Ладно уж, неси пряжу, Дашке твоей сарафан свяжу». И Ксения рассталась с мыслью овладеть сей премудростью.

Но вот Даша подросла, пошла в школу, и однажды, вернувшись с работы, Ксения застала дочь с вязанием в руках: Даша вязала кукле сарафанчик!

– Мапочка, но это же так просто, смотри!

– Да когда же ты научилась?

– Когда у бабушки была в воскресенье, она мне показала. Хочешь, я тебя научу?

Как можно не хотеть, чтобы твой ребенок научил тебя вязать? Да хоть чему угодно научил бы! Ксения решила начать с простого: она как раз распустила свой черный свитер и решила, что свяжет из этой шерсти теплые рейтузы для Даши. А что еще свяжешь ребенку из черной пряжи? Начнет в пятницу вечером, когда Саша уйдет на встречу с ребятами из турпоездки, он недавно вернулся из Германии. Год назад она тоже ездила, правда, в Чехословакию, и они тоже потом собирались, смотрели слайды. Ее слайды оказались тогда лучшими в группе, а от Сашкиных вообще все попадают.

Итак, за работу, товарищи! Ксения начала медленно, Даша ей помогала. Потом они поужинали, и дочь пошла поиграть с соседскими детьми, а она продолжала уже самостоятельно, постепенно набирая скорость. Потом Даша легла спать, и Ксения перешла в другую комнату. Пальцы двигались все проворнее, и она уже получала удовольствие от собственной ловкости, от ритма своей работы. Жаль, не спросила Сашу, когда он вернется. Уже полдвенадцатого, пора бы.

Она тихонько завела пластинку. Под Вивальди хорошо вяжется, и то и другое успокаивает. Пластинка кончилась. Метро уже не работает, скоро перестанут ходить трамваи. Куда же он поехал? В каком районе живет эта девица, у которой они собирались? Телефона он не оставил, а ей и в голову не пришло спросить. Так. Пора убавлять петли, отсюда штанины начнут сужаться. И пора бы позвонить в милицию. Но в милицию звонить она не будет: года три назад, когда Саша позвонил с работы, что вечером поедет к Саенко работать над статьей, в три часа ночи она не выдержала и позвонила в милицию, и как раз когда ей ответил дежурный милиционер, повернулся ключ в замке, и в прихожую вошел Саша. Он просто засиделся у Саенко, после ужина они продолжали обсуждать статью, потом Сережа стал показывать свои картины – Саша и не знал, что у него такое хобби, во талантище! – и про время забыли, а телефона у Саенко не было... Нет, звонить в милицию она не будет. К какой же из девиц они поехали? Пстой-ка, где же дневник поездки? В нем, наверно, и телефоны чьи-то есть. Игоря, например. Да, но Игорь тоже там. Может быть, его родители что-нибудь знают? Но не звонить же им среди ночи! Ксения нашла толстую тетрадь в стопке на письменном столе. На первых страницах ее рисунки – какие туфли ей привезти из Германии, какую сумку. Надо же, как точно он нашел то, что она хотела! Да еще и перчатки того же цвета привез – такие хорошенькие! Вот описание первого дня, второго... Вот, наконец, несколько имен с телефонами. Два женских, одна из девиц живет на Гражданке. Туда, видимо, они все и поехали. Звонить или не звонить? А если он специально не позвонил ей? А если он вообще решил уйти от них с дочкой, вот просто так, ничего не объясняя?

Она возвращается и садится за вязание. Чтобы не разреветься, вслух считает петли. Так, с одной стороны убавить, теперь с другой. Одна штанина, теперь другая. Но, может быть, он кому-то все же рассказал о своих планах. Ей побоялся, а Пашке, соседу снизу, может, и сказал. Саша с Павликом с детства дружат, Павлик на него до сих пор снизу вверх смотрит, и к Ксене так всегда внимателен, смотрит с восхищением, всегда поможет, если нужно, его и просить не надо. Но все же будить его среди ночи было бы чересчур. И о чем она его спросит – не знает ли Павлик, почему Саша дома не ночует? Боже, какой стыд!

Она идет к телефону и набирает номер на Гражданке. Короткие гудки – занято. Еще и еще раз – занято. Может, номер неправильный или телефон не работает? Но тогда Саша позвонил бы домой из автомата, что остался там ночевать. Наверно, что-то случилось. Она снова берет в руки спицы, пытается успокоиться, но по щекам текут слезы. А может, у них там оргия? Трубку сняли, чтобы никто не беспокоил. Девицы, судя по рассказам Саши и Игоря, интеллигентного парня, с которым Саша познакомился в поездке, если не шалавы, то уж точно оторвы. Не первой молодости, небось, прошли огонь, воду и медные трубы. А телефон все занят. Уже пять утра, в милицию звонить бесполезно, родителям Игоря и Павлику слишком рано, но скоро начнут ходить трамваи, и Саша, конечно, позвонит и приедет. Ксения продолжает вязать. Она уже достигла автоматизма. Мелькают пальцы и спицы, два черных трикотажных полотнища ползут вниз, и только они, ее ночные союзники, помогают не сойти с ума.

В семь утра на Гражданке по-прежнему занято. Она звонит Павлику. Хоть и суббота, но его можно и разбудить.

- Ты вчера не видел Сашу?
- Видел, мы на лестнице столкнулись, когда я шел домой. А что?
- Он ушел на встречу группы, с которой ездил в Германию, и не вернулся.

– Хм.

– Я думала, может быть, он тебе что-нибудь сказал – что там останется ночевать, или еще что-то о своих планах.

– Нет, ничего не говорил.

– Мне тоже, но почему-то домой не пришел.

– И не позвонил?

– Нет.

– Странно. В таких случаях полагается звонить.

– Я нашла какой-то телефон в дневнике поездки, но там все время занято.

– Не волнуйся, Ксюша, я уверен, что все в порядке. Может, просто перепились.

– Но он не напивается никогда, ты же знаешь.

– Вообще-то да. Ну, трамваи уже пошли, метро работает, так что он скоро приедет.

– Ладно, Паша, извини, что разбудила, мне надо идти Дашу в школу поднимать.

– Ой, мамочка, ты уже столько связала! Ты что, совсем не спала? А где папа? – спросила

Даша, садясь завтракать.

– Папа скоро придет. Одевайся потеплее, Дашуля, сегодня мороз.

Даша ушла, и Ксения, собравшись с духом, позвонила Игорю. Ответил неприветливый спросонья женский голос.

– Простите, пожалуйста, за ранний звонок, но можно к телефону Игоря?

– Да уж действительно, неприлично звонить так рано в субботу. Игоря дома нет.

Ксении стало легче дышать.

– Извините ради бога, это жена Саши Кушнарева. Они с Игорем вместе пошли вчера на встречу тургруппы, и Саши до сих пор нет дома, я очень волнуюсь.

– А разве он вам не звонил?

– Нет. И телефон там все время занят.

– Телефон у них не работает. Игорь вчера в одиннадцать позвонил мне из автомата, что они остаются ночевать. Конечно, в такой мороз ночью добираться... Трамваи не отапливаются, такси не достать... Но это безобразие, что ваш муж вам не позвонил. Мой сын мне позвонил! – Голос матери Игоря налился вагнеровской мощью. – Он сказал, что часов в десять будет дома.

Уже девять. Игорю дальше ехать, значит, Саша должен вот-вот прийти. Ксения возвращается в комнату. Лечь поспать? Поесть? Начать уборку? Но она ничего не может делать, только вязать. 10 часов. Ну где же он? 10:30. Она начинает сшивать две половинки рейтуз. Слезы снова начинают течь бесконтрольно. 11 часов. Да что же это такое? Она достает из шкатулки бельевую резинку, отрезает кусок и вдевает в рейтузы. Готово! Что же теперь делать? Наверно, он уже никогда не придет...

– Здравствуй! – входит Саша, как ни в чем не бывало. – Почему ты молчишь? В чем дело?

– В чем дело?! Разве ничего не случилось?

– А что случилось?

– Ты не ночевал дома! Я всю ночь не спала!

– Но ты же знала, что я пошел на встречу.

– Но ты же не говорил, что будешь там ночевать!

– Мороз жуткий, и мы решили остаться.

– Но можно же было позвонить!

– У них телефон не работает.

– Почему же ты не вышел позвонить из автомата?

– Не хотелось в такой холод выходить.

– Игорь же вышел, позвонил своей маме! Ты бы хоть его попросил мне позвонить.

– Прости, я не подумал.

– А раз не подумал, должен был приехать первым же трамваем! Где ты был до сих пор?

– Но ты же знаешь, по субботам я всегда с утра иду по книжным магазинам. Я приехал в девять на Литейный и...

– Пошел по книжным?! И не позвонил, не зашел домой?

Она окаменела. Да человек ли это перед ней? Медленно подняла черные рейтузы перед собой. Хорошо получилось. Саша подошел, забрал у нее рейтузы. «Кисюша!» Дальше был сумбур. Было только ясно, что он любит ее, а она его. Несмотря ни на что. Нет никого ближе.

Простила ли она его тогда? Если б не простила, не было бы сейчас этого происшествия в Швейцарии, этой паники и этого хладнокровия. Простит ли теперь? Прошлое отвечает на новые вопросы. Простив однажды, так и будешь прощать. То невероятное, что произошло, будет повторяться, потому что для человека, живущего с ней, это не только вероятно, но и характерно. Привычки можно изменить, если постараться, но натура человеческая не меняется. Время от времени она будет брать верх над привычками, проявляясь в таких вот поступках, и никуда от этого не деться. Почему прощают тех, кто не просит прощения? А тех, кто просит, не прощают...

Что же делать? Она почти уверена, что с Сашей ничего не случилось – он хороший лыжник, рисковать по-глупому не будет, и вообще он везунчик. Просто проявляется, как всегда, его натура. Позвонить в Питер Вике, пожаловаться? Ксения знает, что скажет Вика: «Ну, Ксенька, ты уж определись с ним, в конце-то концов, – или брось, или донашивай. Другим он не станет. Выбирай!» Главное в муже – надежность, считает Вика. Первый муж у нее был так себе, а второй, она говорит, надежный.

В девятом часу Ксения все-таки идет на ужин. Китайское фондю лучше есть вдвоем. Она набирает на тарелку кусочки мелко нарезанной сырой рыбы, мяса, овощей. За столиком, накалывая на длинную вилку, окунает их в изящную кастрюльку с горячей водой, под которой горит спиртовка. Ей приносят начатую вчера бутылку вина. Но еда не идет в горло. Она возвращается в номер, решив, что в девять попросит Инге позвонить в кризисный центр и посоветоваться, что делать. Может быть, стоит все же вызвать вертолет. В девять раздается звонок. Ну конечно, это Сашка звонит из Червинии! Он в гостинице, ему принесли еду в номер, пожалели, потому что ему не во что переодеться и переобуться.

– Что же ты не звонил до сих пор?! Мы уже собирались вертолет вызывать на поиски. Тут по телевизору твердят, что какая-то пара погибла сегодня в горах...

– Ксюша, у меня трубка разрядилась, я пытаюсь дозвониться уже два часа. Понимаешь, гостиница с таким же названием есть в Таше, и меня с ними соединили. По-английски никто толком не говорит, моего немецкого не понимают. Я говорю, позвоните мою жену – они говорят, здесь такой нет. Я опять звоню – они злятся, думают, кто-то хулиганит. Я говорю, что я в Италии, не успел вернуться – они кричат и бросают трубку. Я уж итальянцев здесь в гостинице просил звонить, но тоже без толку. Наконец, там кто-то другой подошел к телефону, и когда я сказал, что не успел вернуться в Зермат, они поняли и дали мне номер нашего отеля. Кисюша, все в порядке. Подъемники начинают работать в семь утра, и я сразу приеду. Ты не уходи без меня, вместе позавтракаем и пойдем кататься. Я перед уходом звонить не буду, чтобы тебя не будить. Спокойной ночи, Кисюша.

Ну, гора с плеч. Но и зло берет. Ксения пытается уснуть, но среди ночи окончательно просыпается. Сна ни в одном глазу. Она подходит к окну, раздвигает шторы и ахает: огромная круглая луна стоит рядом с Маттерхорном, освещая его гордую, осанистую позу, острую морду морского льва, казалось, готового подбросить луну кверху, как мяч. Обман, иллюзия близости, ведь Луна бесконечно далека, и, окажись он рядом с ней, Маттерхорн стал бы лишь жалким прыщиком на ее поверхности. А здесь, на Земле, маленькая луна рядом с большим Маттерхорном, сияя чужим отраженным светом, подсвечивает его неприступную красоту, и

сегодня ночью они вместе. И таких ночей уже было и будет бесконечное множество, и эта вечная красота лечит, успокаивает.

Наутро Ксения не спеша собирается, тянет время, но потом все-таки идет на завтрак. Уже девять часов, а Саши нет. Говорил, что вернется рано. Ну, подъем в Италии до перевала займет какое-то время, но спуститься-то Саша может быстро. Значит, опять какие-то заморочки, не очень-то он спешит обратно. Скоро десять. Ну и ладно, день такой чудесный, она пойдет кататься сама.

Ксения доезжает на электроавтобусе до дальнего подъемника, откуда она сможет попасть на облюбованный ею склон. Переваливаясь в ботинках, топает к лифтам, которые поднимают полчища лыжников к гондолам. И лицом к лицу сталкивается с продирающимся сквозь толпу небритым, осунувшимся Сашей.

– Кисюша! Что же ты меня не подождала? Ведь мы могли разминуться, это чудо, что я тебя встретил!

Ксения бурчит что-то, не глядя на него. Она вообще ничего не обязана отвечать, он виноват, вот пусть и говорит. Саша забирает у нее лыжи:

– Ты где хочешь кататься?

Они проходят через турникеты и садятся в гондолу. Саша рассказывает про итальянскую гостиницу, про путаницу с телефонными звонками.

– Инге сказала, что за двадцать лет, что она здесь работает, такого еще не было.

– Но я же не виноват, это просто стечение обстоятельств.

– Я ведь говорила, чтобы ты носил с собой карточку отеля, где есть их адрес и номер телефона.

– Я же не думал, что так может получиться!

– А я думала, потому и предлагала. И ведь должны же быть в Червинии какие-то службы, туристский офис или еще что-то, где есть информация про гостиницы в Зермате!

– Там не так хорошо все организовано, как здесь.

– Не в этом дело. Дело в тебе. Ну почему бы тебе не слушаться иногда, раз у тебя умная жена?

– Ты не только умная, Кисюша. Ты красивая. Давай, я тебя сфотографирую!

– Не хочу!

Они несколько раз спускаются по двум параллельным склонам, поднимаясь на кресельном подъемнике.

– Ты не хочешь пойти перекусить? Я не завтракал.

– Не хочу. Я спущусь еще пару раз и уйду, а ты можешь пойти поесть и продолжать кататься.

– Нет, я с тобой.

Но после очередного спуска говорит:

– У меня голова кружится от голода.

Они заходят в ресторан на склоне, Саша берет пиво и сытное альпийское блюдо – толстую сосиску с жареной картошкой и яичницей-глазуньей, Ксения ограничивается супом.

В отеле она забирается в ванну, а он идет в сауну и в бассейн. Она сидит в махровом халате на сверкающей белизной постели, когда входит Саша, горячий после сауны и душа, и забирается к ней. «Кисюша...» В своих пушистых белых халатах они как обнимающиеся белые мишки на открытке, которая была прикреплена над ее столом на работе. Нет, что бы ни говорили психологи, мириться лучше всего в постели. А может, проще всего? Сор быстро заматывается под ковер, да так там и остается. А как же мирятся пожилые пары, те из них, которые давно забыли, что такое секс? Но они уже и не теряются бог знает где в горах и не остаются ночевать черт те где без звонка, так что поводов для обид меньше, и число испытаний резко падает. Позвольте, а то, что старики глухие, медлительные, занудные, упрямые, всех критикуют

– разве это не испытание? Ладно, будем беспокоиться по мере поступления. А сейчас все так хорошо. Просто он такой. Такой... теплый, такой... горячий, такой мой... Мой. Мой. Мой.

А утром снова вверх, и ослепительная белизна вокруг. С гондолы видны отшлифованные ветром и солнцем сверкающие пятна на освещенных боках гор и равномерно-матовые поверхности теневых склонов. Вот ее любимый широкий, без бугров склон, залитый солнцем. Летишь, как птица, и ветер в лицо – не холодный, просто живой и свежий. Ритм скрипящего снега – музыка для ушей. Лыжи слушаются каждого движения коленей – вжих, вжих, вжих, поворот, поворот, поворот. Ну скажите на милость, зачем куда-то лезть, испытывать себя, когда можно вот *так!* Чистая радость, праздник, который всегда с тобой. А крест, который ты несешь, он ведь тоже всегда с тобой? И, наверно, одного без другого не бывает. Кроме каких-то мгновений, когда выскакиваешь на поверхность, попадаешь в струю, взлетаешь ввысь. Вот и лети сейчас по этой белой глади, среди сверкающей голубизны, над стоящим в долине мягким облаком, закрывающим город. Лети. Сегодня у тебя праздник.

Ну, а как же бессонные ночи с луной, с гордо вскинувшимся, тускло белеющим в темноте Маттерхорном, с детскими рейтузами, сбегающими вниз из-под спиц? А никак. Потому что были, есть и будут другие бессонные. С ним. Может быть, все это – и луна, и рейтузы, и недолгое пугающее одиночество – плата за долгие дни и ночи вместе? Ну, а с выбором как? А это уже философия. Вика пусть философствует, есть ли он вообще и насколько мы вольны выбирать.

А Инге и молодая барменша получили-таки по бутылке шампанского, хотя они, конечно, просто шутили. Будет что вспомнить через двадцать лет.

2009 г.

В то далекое-далекое лето

Осенний день без солнца, но светлый. Его освещают желтые листья осени. Их еще много на деревьях, но и дорожки уже покрыты ими. Листья прилипли к памятникам, застряли в пожухлых цветах, кое-где оставшихся с лета. Вот оградка, покрашенная серебряной краской, рядом с большим семейным участком – тетя Женя объяснила все точно. Почему-то ему не захотелось спрашивать у мамы, где находится могила. Он заходит в ограду, смахивает листья со скамейки, садится и закрывает глаза. По-прежнему больно даже видеть это имя на памятнике, лучше просто посидеть, чувствуя незримое присутствие давно прервавшейся жизни, которая когда-то так много значила для него. В сыром прохладном воздухе постепенно оживают солнечное тепло, прожарившее песок и согревшее море у берега, звуки и запахи того далекого-далекого лета.

На серовато-зеленой, в солнечных бликах поверхности воды расплывалось мутное пятно. Алик посмотрел на него и тоже нырнул под воду. Вынырнули они с Ирккой одновременно. На Иркиных черных кудрях еще была видна красноватая глина. Она снова нырнула, еще больше замутив воду. Высокие красно-бурые глинистые берега поднимались за песчаным пляжем. Если этой глиной помыть голову в море, волосы становятся мягкими-мягкими, несмотря на жесткость морской воды. Впрочем, вода в Азовском море казалась Алику не горькой, как в Черном, а приятно-соленой, значит, не такая уж она и жесткая.

– Das Meer ist blau, – донесся размеренный женский голос.

– Das Meer ist blau, – старательно повторил детский голос, а второй, совсем малышовой, догонял не в такт.

– Das Zimmer ist weiss, – снова сказал женский голос.

– Das Zimmer ist weiss², – повторили дети.

Это – шкеты: пятилетняя Ася, дочка тети Люси, и трехлетний Коля, двоюродный брат Ирки и Алика. Тетя Люся лежит на подстилке под тентом – белой простыней, привязанной по углам к четырем палкам, вбитым в песок, Ася сидит рядом с ней, а Коля одновременно с уроком немецкого копает песок и насыпает его в ведро.

Ирка и Алик плывут к чистой воде и снова ныряют, пытаясь поймать друг друга за ноги, фыркающая, выныривают и бегут к берегу. Алик с размаху валится на песок рядом с бабушкиным тентом, натянутым по соседству с тетей Люсиным, Ирка становится спиной к солнцу, чтобы обсохнуть. Алик берет в пригоршню песок и бросает в Ирку.

– Прекрати, осел! – кричит Ирка и начинает отряхиваться.

– Фрукту возьмите, – говорит бабушка, придвигая к себе сумку.

– А где Ирина? – спрашивает Алик.

– Сейчас придет.

Алик приподнимается на локтях и смотрит вдоль пляжа. Море кажется синим только вдали, а вблизи отдает желтизной. А вот и Ирина, идет, ступая по воде вдоль берега, и все оглядываются на нее. Боже, до чего она хороша! У бабушки с дедушкой три дочери, одна краше другой, как говорят в русских сказках. Был у них сосед-узбек, так он говорил: «Вот жили бы вы в Узбекистане, такой бы калым за дочек своих получили! Богато бы жили». Старшая, Иркина мама тетя Женя, брюнетка с карими глазами, Ирка на нее похожа. Алик – сын средней сестры Нюты, он на год моложе своей двоюродной сестры. У его мамы каштановые волосы и серые глаза. Когда Алик был маленький, он считал, что его мама самая красивая на свете. А теперь он считает, что самая красивая в мире женщина – это тетя Ира, младшая из сестер. Ирка и

---

² Море синее. Комната белая (нем.).

Алик называют ее по имени, потому что когда они были маленькие, она была еще школьницей, а вовсе не тетей. Это в честь нее, любимой младшей сестренки, тетя Женя назвала Ирку. У Ирины золотые волосы и голубые глаза, загорелая кожа, она высокая и худая, но бедра не узкие, грудь не маленькая. Тогда красивые женщины не выглядели, как манекены в витринах или плоскотелые девушки с подиума с толстогубыми безликими лицами. На голове Ирины шляпа с яркой лентой. Она никогда не ленилась обрамлять свою красоту. Все было неслучайно: и ромашковый отвар, которым она полоскала свои светлые волосы, и цвет и фасон каждого платья, сарафана, даже домашнего халатика. «Ирина всегда в лучшем виде», – одобрительно говорила бабушка. Ирина врач, она живет в Ленинграде, тетя Женя с дядей Костей и Ирккой в Москве, а Алик с мамой живут с бабушкой и дедушкой в Мелитополе. Летом, когда из Москвы приезжает Ирка, бабушка с ней и Аликом ездит на море.

Они снимали белую комнату в мазанке с земляным полом, холодившим босые ноги. По двору бегали цыплята и куры, клевавшие зерна и мелкие камешки, которые бабушка находила у них в желудке, когда разделяла их. У рыбаков на пляже покупали губастые бычки, а у хозяйки круглый черный хлеб, который она пекла два раза в неделю, и свежее масло – плоский желтый овал между двумя капустными листьями. За ним нужно было спускаться в таинственно-прохладный погреб. За двором – большой огород, где они могли сами, сказав хозяйке, сорвать кабачок, помидоры или огурцы, а позднее и свернуть голову то одному, то другому подсолнуху, которые все лето подставляли солнцу свои круглые плоские лица и к августу загорали до черноты. Вдоль края огорода – заросли паслёна с черными пресными ягодами, где Ирка с Аликом любили играть, прятаясь друг от друга.

На пляже они помогали бабушке камнем вбивать в песок четыре палки, на которые натягивалась простыня. В первые дни бабушка время от времени загоняла их в тень, и они лежали, толкаясь и мешая друг другу читать. Алик передразнивал московский выговор Ирки, она смеялась над его украинским «г». «Дуже погано», – говорила она, произнося «г» как «х», или вдруг неожиданно вскрикивала у него над ухом «геть, хлопец!», и они безудержно хохотали. А потом они купались, пока один из них не начинал стучать зубами от холода. Тогда они бежали греться на горячем песке.

В этом году с ними в Антиповке отдыхала Ирина с сыном. Ей было двадцать восемь лет, она разошлась с мужем и приехала к родителям в отпуск. Коля был слишком мал, чтобы оставлять его на бабушку, и Ирина поехала с ними. И лето стало другим, особенным, а в памяти осталось единственным.

Еще одну комнату в хате снимала тетя Люся, учительница немецкого языка из Донецка, которая сразу преданно полюбила Ирину. Ирка говорит, что тетя Люся – клуша, и что если бы Ирина не развелась, она бы с ней так не дружила. Тетя Люся очень озабочена добычей пропитания. Ведь и так все есть и все свежее – пахучее подсолнечное масло, персики с дерева, кабачки с огорода, молоко из-под коровы, яйца из-под курицы. И рыба свежая, а если надо – хозяин курицу для них зарежет. Один раз он в город уехал, и бабушка стала просить Ирину, чтоб та зарезала, а она – ни за что. «Ты же нейрохирург, людей режешь, а курицу не можешь?» – «Это не одно и то же». Тетя Люся часто ходит, а иногда и Ирину подбивает, то в одно, то в другое село по соседству – здесь яблоки купит дешевле, чем в Антиповке, там еще что-то. Возвращаясь, устало опускается на табурет, вздыхая: «Волка ноги кормят». А говорить не может без сюсю: «Ребятки, ешьте щички со сметанкой, потом я вам яишенку сделаю. Хлебушек тепленький маслицем мажьте!» Ирка с Аликом незаметно ее передразнивали, Ирина же, когда замечала, сердилась на них. Гнев Ирины не тяжелый, дивное спокойствие не покидает ее, даже когда она чем-то недовольна. Наверное, поэтому она всегда добивается, чтобы ее не обсчитали в кассе, продали на вокзале дефицитный билет, не причесывали в парикмахерской непродезинфицированной расческой... Она вела себя так, как будто все вокруг работало без сбоя – и для нее все так и работало.

В первые же дни на пляже у Ирины появились три ухажера из Киева. Все трое наперебой старались рассмешить ее, играли с ней в карты, в шашки и в шахматы. Они были вежливы с бабушкой, шутили с Ирккой, не замечали Алика, и по очереди строили для Коли замки из песка. Когда один из них, собравшись с игрушечным ведерком за водой, обнаружил в нем какашку – сообразительный Коля использовал его вместо горшка – он отнес ее к подножию глиняных скал подальше от пляжа, выбросил и сполоснул ведерко в море. Бабушка с Ириной, смеясь, благодарили его, а Алик смотрел с ненавистью: очки зарабатывает.

Двое друзей далеко заплывали с Ириной, третий, которого они звали Жоржем, плавал вдоль берега. Он был похож на ворона – черные волосы, черные очки, плавки, рубашка, нос по-вороньи заострен и смотрит вниз. Он почти не снимал темных очков. Когда же снимал, вместо маленьких черных стекол на лице появлялись большие черные глаза, почти такие же неподвижные, как стекла очков. Иногда Жорж монотонно, как будто собственные, читал стихи. «Бедны мы были, молоды, я понимаю. Питались жесткими, как щепка, пирожками. И если бы я сказал тогда, что умираю, она до ада бы дошла, дошла до рая, чтоб душу друга вырвать жадными руками...» К нему это, очевидно, не относилось – он был не бедней других, пирожками жесткими не питался, хотя и был худой, как щепка. Алика злило – с какой стати кто-то должен доходить ради Жоржа до ада и до рая? Злило, что сам он не умел читать стихи. И не в стихах дело – его злило, что он не мог так откровенно смотреть на Ирину, как эти трое, и что они, понимая это, так обидно игнорировали его.

По вечерам Ирина уходила с троицей в кино. Вначале бабушка, глядя, как она собирается, говорила: «Надо всегда немного губ красить. Остальное необязательно». Потом перестала говорить, только губы поджимала, когда Ирина уходила. Алик не засыпал, пока она не возвращалась. Один раз уснул, не дождавсь, и проснулся, когда она пришла уже под утро. Два ухажера отсыпались, остался только худой Жорж, потом и он уехал в Киев. Первые дни после его отъезда Ирина часто задумывалась, разглаживая рукой песок, зачерпывая его в горсть и наблюдая, как он утекает между пальцами. Или бродила вдоль берега, и когда она возвращалась, Алик видел, как она качает головой и приподнимает бровь, словно с кем-то споря. Потом она повеселела, стала далеко заплывать одна и подолгу играла с сыном.

Как-то после обеда Алик и Ирка связали верхушки двух рядов паслена и ползали внутри, как по коридору, со шкетами. В конце была как будто пещера, где они жили, как первобытные люди. Они были мужем и женой, Ася их дочкой, а Коля волком, которого они приручали, чтобы превратить его в собаку. Сами они тоже были дикими, рыча, рвали на куски голову подсолнуха, изображавшего мясо дикого зверя, и, нанизав их на прутик, понарошку жарили мясо на вертеле над сложенным из камешков очагом. Алик заметил, что Ирка нарочно старалась лишней раз прикоснуться к нему плечом или голой ногой. Он вылез из пасленовой пещеры и побежал к хате, распахнул дверь в комнату и увидел моющуюся Ирину. Она стояла в корыте лицом к двери, держа над головой кувшин, и медленно поливала себя водой. Каждый день он видел ее на пляже в купальнике, но ни это, ни репродукции в художественных альбомах, ни занятия в изостудии не могли подготовить его к тому, что он почувствовал. Алик застыл в дверях, забыв, за чем бежал сюда. «Уходи!» – резко сказала Ирина. Он не вернулся в пещеру, хотя слышал, как Ирка звала его, а пошел в поле по другую сторону улицы.

Посреди поля была огромная скирда сена, потемневшего от времени. Несколько лет назад скошенное сено свезли сюда и сложили, заготовив на зиму на корм совхозному скоту. Но осенью скот частью забили, частью увезли, а разобрать сено жителям села на прокорм своей скотины не разрешили. А когда разрешили, оно уже ни на что не годилось. Так и осталась эта скирда стоять здесь, как памятник. Алик забрался наверх и сидел там, пока бабушка не позвала его ужинать. Ирка дулась на него за ужином, а Ирина вела себя так, как будто ничего не произошло, и он, успокоившись, пнул Ирку под столом ногой в знак примирения, и вскоре они опять привычно пикировались.

Еще когда Жорж показал им открытку с фотографией американской киноартистки Риты Хейуорт, Алик заметил, что Ирина похожа на нее, только лучше. Да и как можно сравнивать: Хейуорт – секс-бомба, ее портрет американцы нарисовали на атомной бомбе. Иринин портрет невозможно было бы нарисовать на бомбе. Алик несколько раз пытался рисовать ее карандашом на ватмане в альбоме, который привез с собой, но изображение получалось похожим на мертвые безглазые гипсовые головы, которые они столько раз рисовали в изостудии. Он был в отчаянии. Как передать Ирину красоту? Ведь в жизни она была такой до головокружения живой! Когда он смотрел на Ирину, ему хотелось читать стихи, как Жорж. Но стихов он тогда не знал. Много позже он читал Ремарка, «Три товарища» и «Жизнь взаимы», и героини казались ему похожими на Ирину, красивыми и обреченными. Но это уже потом, а тогда Ирина вовсе не казалась ему обреченной, да и кому бы это могло прийти в голову?

Тетя Люся с Асей вскоре уехали, а Ирину потянуло на дальние прогулки, чему Ирка с Аликом были несказанно рады – одних, без Ирины, бабушка бы их не отпустила. Солнце уже не могло сжечь их покрытую стойким загаром кожу, и они уходили в купальниках далеко от пляжа. Колю, когда он уставал, несли по очереди, Ирина и Ирка на руках, а Алик – на плечах. Один раз они ходили на лиман, где люди, намазавшись с ног до головы черной целебной грязью, стояли у берега, растопырив руки. Ирка с Аликом, а глядя на них и Коля, тоже начали мазаться жирной тяжелой грязью, но Ирина велела им смыть ее с себя. В другой раз они свернули в сторону от моря и попали на бахчу. Шли по теплой пыльной дороге среди поля, до самого горизонта покрытого созревающими арбузами. Они сорвали два арбуза, разбили их и, сев у дороги, выедали из осколков красную мякоть, плюясь косточками и обливаясь соком. Сока было столько, что они помыли им пыльные руки и ноги. Коля стал лизать свои сладкие руки. «Лизни!» – протянул руку Ирке. Она лизнула его руку, потом сладкую ногу, сделав вид, что хочет укусить. Коля с хохотом вырвался. Алик с Ирккой стали гоняться друг за другом, пытаясь лизнуть. Алик упал рядом с Ириной и, осмелев от дурашливой возни, лизнул ее ногу. «Перестань», – спокойно сказала Ирина, чуть сведя брови. Он испугался, что она рассердится. В разгар пира подошел сторож бахчи, но не ругал их, а помог выбрать еще один арбуз, самый спелый. Они принесли его с собой и ели с теплым свежим хлебом, сидя за столом в тени. «Волка ноги кормят», – вздохнул Алик, и все засмеялись.

Когда они вернулись в Мелитополь, Ирина с Колей уехали в Ленинград, а Ирка осталась до конца лета. Они с Аликом играли в волейбол на заброшенном кладбище за домами. Памятников там не было, только угадывались очертания могил, и хотя они старались держаться как ни в чем не бывало, было не по себе. Мама разрешала Алику уходить далеко, и он водил Ирку на скифский курган, на Молочную речку. Обратное шли по бесконечному заброшенному еврейскому кладбищу с обветшалыми надгробными плитами. Ирка натерла волдырь на подошве своими новыми синими туфлями, и хромала, вздыхая и ноя, что раздражало Алика. Вообще они стали часто ссориться. Он пытался ее рисовать, но получалось плохо. Он смотрел на Иркино лицо в черных кудрях, а видел золотую голову Ирины. Алик нарисовал акварель – спелые подсолнухи, а среди них – лицо Ирины. Ему понравилось, как получилось, но он никому не показал. Потом приехала тетя Женя и увезла дочь в Москву. Лето кончилось.

А зимой пришла страшная весть. В тот день Ирина не пошла на работу, у нее была температура, и соседка отвела Колю в садик. Вечером привела его домой, но Ирина дверь не открыла. Когда взломали дверь, нашли ее в ванной. По-видимому, она принимала душ и, от слабости потеряв сознание, упала в ванне и ударилась головой об кран. Мама и бабушка поехали на похороны, бабушку уговорили не ехать, и она осталась дома с Аликом. К ним приходила бабушкина сестра, чтобы не оставлять ее одну, а Алик после школы убегал из дома на старое кладбище и плакал, сидя между холмиками, похожими на миниатюрные курганы, или бродил среди одичавших за долгие годы зарослей, глядя, как малиновая полоска на западе все сжималась, и над

ней в еще не стемневшем небе были в беспорядке разбросаны черные облака, как обрывки сожженных писем. Ночью он вытаскивал акварель со светлым в золоте волос лицом Ирины среди черных в желтом ореоле подсолнухов и, светя фонариком, смотрел на нее. Он вспоминал ее идущей вдоль берега, выходящей из моря, и как она ела арбуз, сидя у пыльной дороги, и как стояла, закинув руки с кувшином над головой. Вот так, наверно, стояла она под душем, а потом ее не стало.

Дедушка с мамой вернулись из Ленинграда и привезли с собой Колю. Его присутствие помогало всем справиться с горем, но Алик ловил себя на том, что теперь, когда Ирины нет, ему бывало грустно смотреть на брата, и почему-то возникало чувство вины. Через несколько дней, когда все сидели в столовой, мама принесла и стала показывать фотографии с похорон. Алика как ударили, он выскочил из комнаты. «Алик, посмотри, ты же любил тетю Иру», – окликнула мама. Но он пулей выскочил из дома, как будто боялся, что его остановят, и убежал на кладбище. Как они не понимают – он не хочет, не может видеть ее мертвой. Для него она всегда будет живой, такой, как в то лето. «Любил». Он и сейчас ее любит!

Весной, когда в изостудии они начали писать маслом, у него проснулось желание попытаться пересказать на холсте впечатления прошлого лета, его наполненный солнцем, запахом рыбы и детскими голосами воздух, песчано-желтую, буро-красную и пыльно-серую землю, белизну жилищ, синеву моря. И в этом обрамлении вечной жизни – прелесть молодой женщины, воплощавшей эту жизнь. Алик оборудовал себе студию на чердаке дома и работал часами. Белая хата и куры, мчащиеся к летней кухне, черный хлеб, желтое масло между зелеными листьями и арбуз на выцветшей клеенке, низкий паслён и высокие подсолнухи, нелепая бурая скирда на блеклом поле, которую закат окрашивал в цвет глинистых береговых обрывов, черные кресты фигур на лимане, Ирина – с Колей на руках, с куском арбуза и бороздками сока на покрытом пылью теле, в корыте с кувшином над головой. Он уезжал с этюдником к Каменной могиле и писал, стараясь передать красками и движениями кисти древнюю энергию тех мест. Когда летом приехала Ирка, он первым делом повел ее на чердак и показал свои работы, и она молча смотрела, а потом заплакала.

Этим летом на море их отношения изменились. Ирка превращалась в девушку, у Алика начинал ломаться голос. Они бы уже не стали ползать в зарослях паслёна, да и шкетов не было: Колю, сына обожаемой, горько оплакиваемой подруги, взяла на лето тетя Люся и вместе с Асей увезла в Крым. Алик рисовал и писал маслом, оба много читали, плавали и ходили гулять вдвоем, избегая прошлогодних мест, где они были вместе с Ириной. О ней не говорили, но она незримо присутствовала в их отношениях. В то лето они стали друзьями, а не просто братом и сестрой, и дружба осталась, даже когда Ирка перестала приезжать на все лето.

Алик поступил в художественное училище, потом в институт. Пока учился и после окончания много работал на реставрации храмов, что привело его к Богу. Каждый образ, которому он возвращал жизнь, преисполнялся значения, проникал глубоко в душу, помогал в постижении того, с чем он раньше не мог примириться, чего не мог объяснить. Этой осенью он решился наконец приехать на Ирину могилу, единственное место на земле, навестив которое, можно сказать, что побывал у нее. Это посещение принесло освобождение от боли, горечи, чувства вины, и теперь то далекое-далекое лето, которое разбудило жившего в нем художника, отзывалось лишь радостью и благодарностью в его душе.

2009 г.

Монолог педикюрши

*У педикюрши Ниночки
Австрийские ботиночки,
Английский шарф,
Система «Sharp»
И прочие дела.
Она скоблит мне пяточку,
Я кишу ей десятичку,
И за массажем
Мне расскажет,
Как она жила...*

Катя Яровая

*Как обаятельны (для тех, кто понимает)
Все наши глупости и мелкие злодеяния...*

Булат Окуджава

Здравствуйте, Танечка! Раздевайтесь, не сопротивляйтесь. Подождите, сейчас я с этой старухой быстро разделаюсь. Спрашиваете, как дела? Ну, какие в Америке могут быть дела? Вот в Рашке были дела! Стоял в очереди за бананами, давали по два килограмма, а ты взял четыре – это дело! Туфли чехословацкие лакированные купила, только десять рублей переплатила – это дело! Апельсины без очереди взял, мясо с черного хода вынес – вот это все дела! А здесь что? Никаких дел. Скука.

Ирочка, привет! На стрижку к Тони пришла? Я тебе сейчас голову помою, а то Сандра уже домой ушла. Да как жизнь? Жисть – держись, упадешь – не подымут. Танечка, берите пока конфетку, чтоб в ротике было нескучно. Ира, ты что?! Крыша у тебя поехала? Чаевые она мне дает! Еще чего выдумала! Столько мне услуг сделала.

В Одессе у нас в парикмахерской большими буквами на стене было написано: «Позор тем, кто дает! Позор тем, кто берет!» А начальница наша – ну чисто комсомолка. А я ротатая, мне все по барабану, я к ней приставала, чтоб вывеску эту снять, а то срам один. А она мне: «Ты тут нам, Фаина, устроишь вырванные годы!» А нам что эти чаевые? Копейки! Мы там деньги делали – покупали, продавали. Клиентура у нас была богатая, большие дела крутились.

Вот ювелир у меня был в Одессе хороший. Я покупала обручальные кольца – у меня девочки были знакомые в магазине для новобрачных – несла ему, и он такие кольца делал, такие серьги – с рубинами, с другими камнями – таких нигде не найдешь. Надену я серьги, кольцо, накрашусь, наведу марафет и иду к ювелирному магазину к открытию. А там уже очередь стоит, ждут, что выбросят. Я к началу очереди подойду и как бы невзначай: «А что сегодня привезут? Что слышно?» А сама так волосы поправляю, воротник. Они все: «Ой, женщина, какое у вас кольцо красивое! Какие сережки! Продайте, а? Вы здесь живете, вы себе еще достанете, а мы специально приехали, неизвестно еще, что сегодня выкинут». А я: «Да нет, не могу, это такой дорогой гарнитур! Другой такой нигде не найдете». Ну, поломаюсь, цену понабиваю, а потом говорю: «Ну ладно уж, за хорошую цену уступлю». Деньги в карман – дело в шляпе. Вот так и крутились. Весело было жить.

У меня же квартира была шикарная, дачу снимала на Фонтане. Курортники приезжали, я оденусь, иду вся такая из себя – я-тебе-дам! Я же не крестьянка какая-нибудь. Европа! Вот мне

здесь все говорят: «Зачем же ты приехала, если ты там так хорошо жила?» – «Да, – говорю, – нет ума – считай калека». Вот как клиентки наши, старухи эти – волос мало, а мозгов еще меньше.

А по воскресеньям в три часа утра к дому подходило такси. Я брала большой мешок, фонарик, надевала парик, и мы с девочками ехали на толчок. Мы шли по рядам, светили фонариком и покупали сапоги, купальники – всё. А утром продавали на двадцать-тридцать рублей дорожке. Я брала только свой размер: если спросят – купила для себя, не подходит, принесла продавать. Лифчик покупала себе на пять размеров больше – специально, чтоб деньги складывать.

Один раз забрали в милицию. Начинают допрашивать, а я время тяну – ведь если узнают, где муж работает, что будет?! А тут два часа, у них пересменка. Мой милиционер сдает меня молодому: «Вот, закончишь тут со спекулянткой». А я смотрю на них – все они там пьют, тоже каждый смотрит, где урвать, я вынимаю десятку и говорю этому молодому: «Слушай, давай-ка, парень, ты меня не видел, не знаешь, покажи-ка, где тут у вас черный ход». Он как увидел десятку, аж затрясся. Пошел, незаметно вывел меня к задней двери, ну я и утекла. И обратно на базар.

Да, я тогда все могла достать. В школе у Жоры меня выбрали в родительский комитет. И перед праздниками посылали узнать, чего учительница хочет. А она то сервиз хочет, то сережки золотые, то черта в ступе. Деньги собираем, я достаю. Но многие родители были недовольны: «Фаина, не все же могут так делать, как вы. Нам это дорого». А потом приехала одна, жена военного, и все это прекратила. «Фай-и-ина, – так она мне говорит, – вы же не выглядите как идио-о-отка! Это же недопусти-и-имо!» – «Ну, если вы сможете это прекратить, я буду только рада». А училка эта привыкла, что я ей приношу все бесплатно. Ну, мне это надоело, да и Жора скоро уже в другой класс должен был переходить, и один раз я ей сказала, прямо в глаз: «Вы слышали? Фраера не рождаются, фраера находятся. У нас есть большой Привоз, пойдите и все себе купите. Или давайте деньги вперед». А она любила, чтобы вперед товар видеть. А потом скажет: «Ой, у меня при себе денег нет, я завтра отдам». Так завтраками и будет кормить. Ира, до свидания! Видишь, какая ты красивая стала! И была красивая!

Куда вы в отпуск едете, Танечка? Мы тоже в прошлом году на острова ездили. Все включено. Чисто, конечно, и еда вкусная, но там ведь делать совсем нечего. Только утро начинается, а я уже вечера жду. Что я, пришла на пляж – так мне скучно! И солнце такое, так и жарит. Ну, я пошла в бассейн, там деревья, тень, никого нет, а полотенца все разложили, места заняли. Я смотрю, лежит дорогое полотенце, Валентино-шмалентино, значит, думаю, наши, из Рашки. Показать, что они за 50–60 долларов полотенце купить могут. Я взяла, полотенце скинула и легла. Потом пришла одна – и правда, из наших – рот открыла. Так как она его открыла, так она его и закрыла. Всё! Так вы, как поедете, с утра места у бассейна занимайте – полотенце там бросьте, книжку, что-нибудь.

Хорошо было отдыхать в Румынии. Там такое лечение! Только с едой плохо было. Но нас предупредили, мы взяли с собой сухой колбасы, шпроты. Там ведь на море, на воздухе не аппетит, а само летит. Кормили нас этой ихней кашей, мамальгой. Семке нравилось. А потом придем на пляж, я сижу, как королева, кушаю шпроты прямо из банки. А другие смотрят – им завидно. Хотели оттуда в Одессу съездить, но не получилось, только в прошлом году наконец съездили.

Лису себе из Рашки привезла. Сема говорит: «Зачем она тебе?» А я: «Хочу и все!» – «Куда ты ее будешь носить?» – «А хоть и не буду носить! Ты хотел иметь молодую красивую жену, вот и плати!» Мы были на круизе, так когда обратно из Одессы на корабле отплывали, нас так трясло на таможне! Одна говорит: «Мы хотим вам сделать личный досмотр». Ну, я, конечно, раскрыла рот: «Да что там досматривать? Вот, все видно в этих ваших мешках дырявых!» А нам родственники чего-то там в авоськи положили по мелочи. А они все шуруют. «Да

можете вы сказать, что вы там ищете?» – ору. А она мне: «Мы землю ищем». – «Какую землю?! Вы что, офонарели?» А она мне – дескать, многие приезжают за родной землей, накопают и в мешочке увозят. Твою мать!! Сколько буду жить, никогда такого не услышу. Землю они искали! А Сема потом говорит: «А все-таки они дернули банку черной икры». Родная земля, чтоб они провалились!

Мой отец был прекрасный маляр, его вся Одесса знала. Если у него бывала калымная работа (например, рублей триста), мне всегда 10–15 рублей перепало. Было нас четверо детей, но он всегда почему-то меня выделял, может быть, потому что я такая же отмороженная, как и он. Он говорил: «Если не хочешь быть нищей, нужно быть аферисткой». «Хочешь жить, умей вертеться». А я все на ус мотала. Мне еще пятнадцати не было, я уже знала: не подмажешь – не поедешь. Папа меня часто с собой брал. Если клиенту скажет: пятьсот рублей, то все. Четыреста пятьдесят, даже четыреста девяносто – нет. Такой у него вкус был! Приходили все на его работу смотреть. А он так встанет, руки на груди сложит и молчит, любит свою работу. Мне папа говорил: «Главное, знай себе цену. Будешь знать себе цену – все будут знать тебе цену. Как себя поставишь, так все и пойдет».

Вот Зиночка, моя подруга еще со школы. Когда она замуж выходила, свекровь очень ее не хотела, потому что она не из богатой семьи. Как будто в Одессе все мультимиллионеры! Они все равно поженились, потому что парень очень ее любил. Свекровь знать ее не желала, они комнату где-то снимали. А когда у Зины дочка родилась, свекровь стала их звать к себе жить. Очень ей внучку хотелось, а от старшего сына внук был. Квартира была большая, Зина с мужем переехали. Свекровь со старшей невесткой сразу забыли, что только что волосы на голове друг другу рвали, объединились и стали над Зиной издеваться. Поедят все, гору грязной посуды оставят и ее заставляют мыть, все свои грязные тряпки несут ей стирать. В общем, как Золушка она у них жила. Каждый день плакала, а слово сказать боялась.

Раз прихожу я к ней, а у нее вид – на море и обратно. Привела меня на кухню и показывает – все завалено кастрюлями, горшками, сковородками грязными, посуда навалена – это они ей все помыть оставили. Я ей говорю: «Слушай меня. Если ты хочешь, чтоб они тебя уважали, знаешь, что ты должна сделать? Ты должна им эти кастрюли на головы надеть!» Она перепугалась: «Они же меня убьют!» – «Не убьют. У тебя другого выхода нет. Хочешь жить как человек – делай как я скажу. Я сейчас выйду, пока они меня не увидели, а как они войдут, ты им все это на головы и надень». Ну, зашли они, рот на нее раскрыли, а она свекрови казанок из-под жаркого на голову надела. А невестке – сковороду. Да еще взяла половник и стала по сковородке бить. А я стою под окном и хлопаю, как в театре – мне же все через окно видно. Так они такой крик подняли – весь двор сбежался. И мужья из комнат повыскакивали, стали в кухню ломиться. А я ей сказала: «Ты дверь закрой на крючок, чтоб никто не мог войти». Она так и сделала. Ну, взломали мужики дверь в конце концов, ворвались – и не знают, или им смеяться, или что. У свекрови по лицу соус мясной течет, у невестки – масло подгорелое, голосят обе. А на Зиночку сердиться тоже не могут: они ведь все знали, что она ангел, это я знала, что она идиотка. Понимают, что, видно, достали они ее. И что вы думаете? Они ей потом задницу целовали!

Мы когда в Нью-Йорк приехали, тут уже жила моя подруга Муся. Так она за меня хозяйину своему говорила. Звонит он мне по телефону. А у меня такой английский – с ним только на Брайтон. Я не знаю, что там он мне говорил, но я знаю, что я ему говорила. Когда он услышал, сколько я хочу, он стал смеяться. А я Жору всегда просила вторую линию держать, я ведь не понимаю, так чтоб он мне потом объяснил. Сказал, чтобы я пришла. Прихожу. На мне весь наряд – десять долларов, но выглядит все хорошо. Брюки малиновые за колена, вот такой каблук, волосы кудрявые до плеч, жгучая брюнетка, так выглядела – я-тебе-дам! И так себя преподнесла, он мне сразу сказал: «Я вас беру».

Сначала он взял меня на три дня в неделю, а уже через неделю сказал: «Я тебя хочу на пять дней в неделю». Конечно, я работаю быстро – пока Муся с одним клиентом возится, я троих делаю. И все довольны были. Ко мне подруга моя, Регина, все время на педикюр приходила, я ей бесплатно делала. Один раз она мне звонит, говорит: «Я в субботу на бармицву иду, так мне к тебе некогда приезжать, пойду тут рядом к корейцам». А потом она мне звонит и плачет: «Фаина, они мне пятку порезали, я не могу ходить – наверное, инфекцию занесли. Пришлось ехать в эмедженси³». Мне ее жалко, но я смеюсь: «Регина, ты поц (извините за грубость). Так ты за свои деньги имела педикюр, попала в больницу и не пошла на бармицву! Я тебе больше ничего делать не буду».

Я Регину давно не видела, все по телефону, а тут договорились встретиться. Увидела я ее и обомлела: ей американский доктор такое лицо сделал – ну красота, как в кино! Ей за шестьдесят, она старше меня, а теперь выглядит на сорок, не больше. Он немного сделал: с боков поднял, шею подтянул – о, там такая шея! – глаза подправил. Сидим мы в ресторане, я очки надела и ее рассматриваю. Она говорит: «У тебя что, крыша поехала? В следующий раз я паранджу надену, чтобы ты на меня так не смотрела». А я вижу, как все на нее внимание обращают. И правда, лицо такое – как будто светится.

У меня тут все на работе спрашивают: «Что тебе муж подарил на Валентайн Дэй⁴?» Я говорю: «Он мне никогда подарков не дарит, я подарки сама себе покупаю». Они не верят, думают, что я такая примадонна, вся засыпана подарками. Когда мы поженились, Сема на Восьмое марта купил мне в подарок блузку. Это был страх неопиcуемый, такая темная, как это полотенце. Говорит, ему продавщица сказала, что это цвет морской волны. Я говорю ему – там морем и не пахло. «Ты помнишь, где ты ее купил?» – «В Пассаже». – «Чек у тебя сохранился?» – «Да». Взяла я чек, пошла и сдала эту блузку. А Семке сказала: «Ты мне подарков больше не покупай. Раз не умеешь, лучше я сама себе куплю». Он это хорошо усвоил. Деньги-то все равно из одного кармана. И мальчикам своим тоже говорю: «Я из всех подарков признаю только зелень». Ну, они студенты хорошие, только спрашивают: сколько? Мне это нравится – они спрашивают, сколько мне дать! «Чем больше, – смеюсь, – тем лучше».

Недавно Тони с Сабиной нас всех на свадьбу своей дочери пригласили. Я так оделась, так себя преподнесла – как будто я дочь графа Потоцкого. Они все за мной ходили. Во-первых, костюм, мне его из Франции привезли. Черный, на юбке ниже колена нашита лиса в пять рядов, вот такой вырез фигурный, и я одела бриллиантовое кольцо вместо пёрлов, тоже фигурное, и кольцо. Это сет, гарнитур – шестнадцать тысяч стоило! И лису свою одела. Они все упали! Так что я им на всякий случай показала, кто я такая, если они раньше не знали. Сандра беременная, так ей все приносили, что одеть. А я ей принесла белый пиджак такой длинный, красивый – у меня все вещи красивые. Она надела – и в этом и пошла. Сабина говорит: «И как это ты угадала, что ей принести?» А я бы их всех могла красиво одеть. А так, как эта Джин пришла одетая, я бы ее на свою свадьбу не пустила. И Сема сказал – не пустил бы.

Джин такая противная, старается клиентов моих перетащить к другой маникюрше. Сегодня моя клиентка у ней делала стрижку, так она ей говорит: «Фаина занята, ты садись к Эшли». Ну так я ей сказала, что она б..дь. У меня разговор короткий. Только я ей по-итальянски сказала, так мягче звучит, нас Сабина научила. И она поняла, теперь подлизывается. Я же ей не буду объяснять, чтобы она думала, что мне эти два доллара чаевых так нужны. Да гори они огнем! Я умнее их. Я им сказала – то, что вы сейчас узнали, я давно забыла. Им еще двадцать лет надо прожить, чтобы узнать то, что я знаю.

Надоели мне эти старухи с их вонючими ногами. Зимой они уезжают, где теплее – во Флориду, летом тоже куда-то уезжают от жары, я уж не знаю куда. Денег у них полно. А мне

---

³ Emergency (англ.) – отделение скорой помощи в больнице.

⁴ Valentine Day (англ.) – День Св. Валентина.

что, пришли – скажу спасибо, не пришли – спасибо два раза. Мне это чисто по барабану. Я не думаю, я вообще стараюсь не думать. Вот освободится тут какое-нибудь помещение рядом, я кафе открою. Будут у меня пельмени, борщ, пирожки. Американцы? Пойдут как миленькие. Ведь тот русский ресторан я знаю, почему закрылся: у них грязно было, и еду они не сами готовили, а возили с Брайтона. Американцы же не дураки! А для русских у них цены слишком высокие были.

Тут как-то пошли мы с Леней, моим младшим, в один русский ресторан, он еще кого-то пригласил – на шару любой пойдет! Ресторанчик такой малюпусенький. Принесли они нам селедку с картошкой – ладно, ничего. Заказала я мясо – баранину. Приносят шашлык. Ну, это был просто дзастер⁵, есть невозможно. Так невкусно, и сырой внутри. Я вообще сырое мясо не ем. Позвала официанта, говорю ему: «Это что такое? Унесите обратно». Заказала вареники с картошкой. Обычно ведь как – сметану приносят отдельно. А тут они налили сверху эту сметану, наверное, чтобы не было видно, как их там мало, вареников этих. Ну, как-то я поела. А потом вышли мы, я Лене говорю: «Ты пойди за машиной, а я вернусь, я там, кажется, очки потеряла». Но пошла я, конечно, не за очками. Я иду к владелице и говорю: «Если вы держите ресторан, то вы должны готовить нормальную еду, чтобы ее есть было можно. Конечно, если вы тут деньги отмываете, так это неважно, но тогда не дерите такие цены. Мой вам совет – пошлите своего повара поучиться на Брайтон Бич». Так они на меня так посмотрели, с головы до ног так и смирли. Выхожу, Леня спрашивает: «Ну что ты так долго? Нашла очки?» Одни аферисты кругом! И американцы не хуже наших, так натянут – будь здоров! Так я уж предпочитаю к русским ходить, пусть лучше свои натягивают, чем чужие.

Однажды, давно уже, была я в Сан-Франциско на свадьбе. Столько там было красивых русских мальчиков! Я у подружки спрашиваю: «А где же девочки?» Она мне говорит: «Да они же все гомосеки!» Потом выпили, стали танцевать. Ну, сначала ничего незаметно, на еврейских свадьбах мужчины и так отдельно танцуют, а потом смотрю – мать моя! – разобрались по парам, обжимаются по углам. Я такого никогда не видела. И так мне страшно стало – а вдруг Леню моего сманят? Ему тогда шестнадцать лет было, он уже с девочкой встречался. Вернулась я в Нью-Йорк и говорю ему: «Леня, тебе Любочка нравится?» – «Да». – «А ты с ней спишь?» – «Нет». – «А почему?» Он так удивился. Говорит: «Мне ее некуда привести». – «В чем дело? – говорю. – Приводи ее сюда!» Ну, он и привел. Я Лене сказала: «Со всеми не переспишь, но к этому нужно стремиться». Это ему так понравилось! Ну а теперь – хо-хо! Ничего говорить не надо.

Потом я работала у одного голубого в салоне. Он хорошо ко мне относился. Стрижет бесподобно. Я к нему не хожу только потому, что он с меня денег не возьмет, а я так не хочу. Он у меня педикюр, маникюр делал, потом бикини стал делать. И дружки его стали ко мне ходить. Волосы с тела удаляли. Я их чистила, как курей! Волосы с груди сниму, да еще и массаж сделаю. Так они с ума сходили от восторга! Голубые же. Мальчики они не бедные, хорошие типы⁶ мне оставляли. Другие девочки в салоне брезговали, а мне это чисто по барабану: мне деньги были нужны, у меня мальчики в школе учились. И как учились! Такие оба способные. Жора – тот тихий, а у Лени язык подвешен, как лопата, он если 95% за тест получит, уже недоволен, и все с учителями спорит! Даже если 100% – и то бывал недоволен, требовал, чтобы с плюсом. И всегда добивался своего. Ну чисто отмороженный! Один раз приходит и просит у меня пять долларов, говорит: потом отдам. «Зачем тебе?» – «А я с учителем математики поспорил, что быстрее его задачу решу». На следующий день в классе положил он свою пятерку, рядом учитель свою положил, и какая-то девочка села деньги караулить, пока они решают. Ребята

---

⁵ Disaster (англ.) – катастрофа.

⁶ Tips (англ.) – чаевые.

заранее задачку выбрали, и стали Леня с учителем решать. И Леня быстрее решил! Приносит мне десять долларов: «Я выиграл». – «Ну, выиграл – молодец, пойдешь купи себе что-нибудь».

Они у меня такие грамотные все, аж противно. Газеты читают, как придут, так с Семкой начинают за политику говорить. Меня стыдят: «А ты почему новости не смотришь?» – «Зачем? – говорю. – Все равно я им ничем помочь не могу». – «И тебе не стыдно?» – «Мне? Стыдно? Обижаете! И что это вы тут мне партсобрание устраиваете?» Леня спрашивает: «А что такое партсобрание?» – «Пусть тебе отец объяснит, он в комсомоле был». А Семка: «Но в партии же не был!» – «Какая разница, – говорю. – Партсобрание – это когда всех выпускают и никого не выпускают». А сама я и в комсомоле не была. Когда в девятом классе нас стали принимать, меня классная уговаривала – ты, мол, должна. А я говорю – ничего я никому не должна. Я уже тогда это твердо усвоила. «Но так ведь жить нельзя!» – «Можно, поверьте мне, Софья Борисовна. А собрания ихние меня не интересуют». – «Что же тебя интересует?» – «Пойти на толчок, за рубль купить, за три продать – вот это меня интересует». Она чуть не трохнулась: «Ты, Фаина, смотри никому это не говори, с тобой никто дружить не будет». – «Не будут – так я переживу этот цорес!» – «Ш-ш-ш! Нельзя в школе такие слова говорить!»

Когда мы сюда ехали, Леня маленький был, четыре года, и ему все хочется – мороженое там, шоколад. А я говорю: «Мы в капиталистической стране, тут все должны деньги зарабатывать». А он у меня умел ушами двигать – и вверх-вниз, и взад-вперед, и вращать. У Жоры не было такого таланта. И вот мы на пляж придем, я ему волосы кудрявые уберу в косички, чтоб уши было видно, и говорю: «Ну, иди, покажи им цирк. К русским не подходи, только к итальянцам». Так он мне целый мешок мелочи приносил! И тогда мы идем на качели, на карусели, лимонад ему покупаю, конфеты. Так он до сих пор мне говорит: «Я все помню, как ты меня на преступление толкала, посылала ушами шевелить на пляже!» – «Какое же это преступление? У тебя же талант! Ты им цирк показывал, а за цирк надо платить». А что? За бесплатно папа маму не целует!

В Италии я Семку на работу устроила. Он работал сорок восемь часов в сутки. Днем в ателье, вечером дома. Он с собой швейную машинку привез. Наши же эмигранты всё себе покупают, и комушить нужно, кому подкоротить. Я Семе говорю: «Ты только работай, а я буду цены назначать. Здесь же капитализм, с твоим мягким характером тебя все обманывать будут». Клиентов я ему легко находила. Когда приходили, смотрела: если одеты так себе, то одна цена, а если приходит такая вся из себя – я-тебе-дам! – то цена, конечно, выше. Ну, они, конечно, в крик: «Грабители! Три мили!! Ну, две еще куда не шло!» – «За две, – говорю, – идите к итальянцам. Они вам такую цену назначат, мало не покажется». Ну и куда им деваться: итальянцы-то с них двенадцать-четырнадцать миль возьмут, а тут три. У наших, конечно, денег мало, им каждая миля деньги. Семе вроде неудобно, так я ему говорю: «Будешь даром работать, не буду при свете спать. А будешь деньги зарабатывать, то и при свете посплю». Так они там все Семку любили: «Ах, такой милый человек! А жена у него – ну просто грабительница!»

Одна у меня была знакомая, русская, муж у нее еврей. Так он первый в Америку уехал, а ее с ребенком оставил. Думал, наверное, что в Америке себе получше найдет. Ну, никого он не нашел и ее вызвал. Мы с ней вместе эмиграцию проходили. Она себе в Италии и любовника завела. Так и надо! Я ей сказала: он в сторону – и ты в сторону. Раз приехали мы с ней в Риме на Круглый рынок. Там же так все дешево было: куры там, мясо, я знаю? – двадцать копеек. Двадцать копеек, а я еще торгуюсь, она же торговаться не умеет. Ну, ходим мы так часа два, я ей все байки рассказываю. В паузах одесский мат вставляю, а иначе же никакого удовольствия! Если видим русских, потише говорим. Потом остановились, а за нами стоит какая-то пожилая пара. И вдруг этот мужчина мне говорит: «Вы, конечно, из Одессы. Это ясно, тут и объяснять ничего не надо. Вот мы с женой уже два часа за вами ходим, слушаем. Вы так хорошо говорите!» Ну, я ему, конечно, выдала – это ж надо, без предупреждения ходили подслушивали! Потом мы с ним подружились. Они визы в Австралию ждали. Пока ждали,

он всюду за мной ходил – и на пляж, и на пяточок, где по вечерам все русские собирались, записывал что-то в блокнотик. Я ему сказала – тут полно одесситов, идите их слушайте. А он говорит – нет, это все не то. Я не спросила, кто он по профессии – какое мне дело!

Так вы какой лак хотите? Давайте вот этот, красивый цвет, и на руках хорошо смотрится. Подождите, не размажьте! Давайте я вам еще поспрею, чтоб быстрее высохло. Это ваше пальто? Надевайте, я вам уже пуговицы застегну, чтобы вы лак не содрали. Спасибо, Танечка! Когда вы хотите снова прийти? В среду? Конечно, можно! У нас все можно, даже то, что нельзя. Так я вас тогда на три часа забукаю!

2003 г.

Предложение

Памяти Октавио Брунетти

– Разрешите?

Эльмира не удивилась. Едва заметив Роберта, входящего в ресторан, она уже не сомневалась, что он пригласит её на танго. Она сидела в кресле возле бара, поджидая знакомых. Кроме Роберта, никого из своих ещё не было, да она и не знала точно, кто придёт, поэтому после танца приняла его приглашение занять столик на двоих.

Эльмира жила в Нью-Йорке уже десять лет, и за это время стала завсегдатаем милонг⁷, где собираются любители аргентинского танго. Подумать только, что в пятидесятые годы прошлого века молодой, агрессивный рок-н-ролл готов был в борьбе за рынок не только потеснить, а стереть саму память об этом танце иммигрантов, впитавшем их мечты и тоску по родным местам, ставшем пульсирующим сердцем Буэнос-Айреса и покоровившем мир. Но танго выжило и в последние годы вновь с триумфом распространилось на все континенты, вербуя новых сторонников. Дитя портовых кабаков Буэнос-Айреса, оно нашло приют в северных широтах в недрах огромного города-спрута, раскинувшегося, как и его южный собрат, в дельте полноводной реки, и омываемого водами того же океана, известного своим беспокойным нравом. Летом милонги из тёмных нью-йоркских студий вырываются на воздух под кроны парков, тянутся к воде, обживая пирсы Гудзона и Ист-ривер, а с наступлением холодов снова прячутся от посторонних глаз.

Эльмира брала уроки танго ещё в Петербурге, куда приехала из Казани делать диссертацию, да так и осталась, потому что её муж сумел здесь расширить свой бизнес. Он вскоре погиб при загадочных обстоятельствах, и Эльмира, желая уехать как можно дальше от своего горя, решила отправиться в США, благо ее специальность давала возможность получить хорошую работу в модной области биотехнологий. Устроившись на новом месте, она забрала к себе мать и сыновей-подростков. Младший уже кончает школу, а старший начал первую после колледжа работу.

Все местные фанаты танго знают друг друга. По крайней мере, в лицо. Кое с кем Эльмира познакомилась ближе, и у нее появились любимые партнёры, Роберт один из них. С недавних пор он всё чаще приглашал её танцевать, ходил на те же милонги, подсаживался поболтать. Ей даже стало казаться, что он приходит ради неё, следит за ней.

У неё красивое имя – Эльмира. Там была Элей, здесь превратилась в Эльмайру. Раздражает эта «майра», вначале она всех поправляла, но пришлось смириться. А Роберта поправила, и он с лёгкостью, совсем без акцента, стал называть её ностальгическим именем Эльмира.

– Это правда, что вы врач? – спросил он как-то.

– Да, но занимаюсь исследовательской работой.

– Значит, врачом вы не работали?

– Работала несколько лет после мединститута.

– А вот эта женщина тоже доктор, – указал Роберт на одну из танцующих. – Она психиатр.

А эта анестезиолог. А та, что сейчас зашла, невропатолог.

– Странно. Можно подумать, что только врачи и танцуют танго.

– Ну что вы! – почему-то смутился он.

---

⁷ Милонга – здесь: танцевальный вечер, на котором танцуют танго, танго-вальс и милонгу. Милонгерос – посетители таких вечеров.

– Я тут как-то танцевала с одним хирургом – сегодня его нет – так он мне сказал, что легче научиться оперировать людей, чем хорошо танцевать аргентинское танго. Может быть, и правда не случайно, что среди *tangueros*⁸ много врачей?

– Как гипотеза годится, но экспериментально не подтверждается. Вот я, например, химик.

– Докторам приходится столько работать, чтобы быть на высоте в своей профессии! Танго, если танцевать его по-настоящему, требует выносливости, увлечённости, хорошей координации, интуиции, умения чувствовать партнёра. И нужно постоянно совершенствоваться, чтобы быть в хорошей форме. Как и врачам.

– Меня не удивляет, что вы это сказали. Я давно заметил, что всё, что русские делают, они делают хорошо. Вы хорошо танцуете, – добавил он по-русски.

– Вот так сюрприз! У вас хорошее произношение, это редкость.

– Я когда-то учил немного русский язык, чтобы, не дожидаясь перевода, читать в журналах статьи в области синтетического каучука, это моя специальность. В Советском Союзе были хорошие ученые. Я был однажды в Москве на конференции, оттуда вместе с женой ездил в Ленинград. В молодости защитил диссертацию, как и вы. Работал на государственной службе. В 65 лет ушел на пенсию, о чем очень жалею. Никто меня не гнал, мог бы, наверно, и сейчас работать. Мозг нуждается в постоянной тренировке.

– Сколько же вам лет, если не секрет?

– Семьдесят два.

– Ни за что бы не подумала. Вы так молодо выглядите!

Это не было вежливым комплиментом. Роберт был из тех мужчин, которые и в старости сохраняют шевелюру, и она не побелела, а лишь приобрела красивый серебристый оттенок. Поджарая фигура танцора, хорошая осанка, породистое, чисто выбритое лицо, грустные карие глаза.

– А у вас, Эльмира, не типичная для русской внешность.

– У меня мама татарка.

– Вы очень привлекательны! И выглядите, как настоящая *porteña*⁹. В Буэнос-Айресе вас бы считали своей.

Теперь, когда она приходила на милонги, Роберт приветствовал её по-русски. Они танцевали, беседовали. Он рассказывал ей о своей жизни, об известных преподавателях танго и гастролёрах, передавал сплетни из жизни нью-йоркской общины *milongueros*.

– Вы знакомы с Дэйвом?

– А кто это?

– Вон он, танцует с Афиной. Вы ведь знаете, у нас принято, что день рождения тангерос отмечают туром танго, когда именинник или именинница танцует с разными партнёрами. И потом весь вечер юбиляру обычно не отказывают – мол, устала, сегодня не могу – не хотят обижать. Так вот, представляете, что он учудил: ходил по милонгам Нью-Йорка, танцевал тур танго в свою честь, а потом приглашал всех женщин под предлогом того, что у него сегодня день рождения. Он не слишком популярен и танцует не ахти, но по такому случаю все соглашались. Через две недели, в разгар своего танцевального разгула, был разоблачён. Смешно, что и в таком деле, как танго, есть свои мелкие мошенники.

– Да, забавно. Существует ли более невинное мошенничество, чем это? Наверно, у всех есть свои тайные цели, о которых мы не догадываемся.

---

⁸ *Tangueros* (исп.) – здесь: те, кто танцует танго. Также страстные знатоки истории, музыки и текстов танго.

⁹ *Porteña* (исп.) – жительница портового города, в среде любителей танго – Буэнос-Айреса.

Жена Роберта не так давно умерла от рака, сын умер ещё раньше от передозировки наркотиков. Способный был музыкант, вообще способный человек, но очень разбрасывался. Всё искал себя, да так и не нашёл.

Эльмире было приятно внимание Роберта. Она спрашивала себя, могла ли бы она его полюбить? Жить с ним? А сколько остаётся этой жизни? Первый муж был старше её на двадцать два года. Но когда тебе девятнадцать, а ему сорок один, впереди ещё много лет вместе, а тут... Разница в двадцать пять лет не шутка, когда ему уже семьдесят два. Но ведь необязательно же замуж! Он интеллигентный, обходительный, не лишён обаяния. А вдруг?.. И каждый раз она одёргивала себя: успокойся, тебе ещё никто ничего не предлагает.

Сегодняшний вечер особенный. Раз в неделю в небольшом бруклинском ресторане инструментальное трио играет танго. Эльмира много об этом слышала и решила наконец выбраться. Все трое – музыканты экстра-класса: аргентинец – пианист и композитор, скрипачка-японка и полуеврей-чилиец с двойным амплуа – гитара и вокал. Эти трое и сами вдохновенные тангерос, танго живёт в их ногах и сердцах, и они привносят в полумрак старого интерьера жар аргентинских ночей, в которых оно родилось. В эти вечера танго как будто заново рождается под руками музыкантов, которые впитали в себя стихию танца, познали тайну его души. Не случайно танго танцуют сердцем к сердцу! Virtuозная работа ног – метафора страсти. В танго, как в жизни, есть всё: любовь и ревность, доверие и соперничество, похоть и партнерство, талант и ремесло, радость бытия и неотвратимость конца.

Когда Эльмира вошла, музыканты играли щемящее «Recuerdo». Она сразу почувствовала, что сегодня должно произойти что-то важное. Может быть, если Роберт придёт, он наконец объяснится? Что он скажет? Упомянет ли про разницу в возрасте? А что она ответит – что должна подумать? А он скажет, что будет ждать...

Сев за столик у стенки, они заказали ужин и по бокалу аргентинского мальбека. Эльмира немного нервничала. Звучала джазовая аранжировка танго «Negracha» Освальдо Пульезе. В нём угадывается стиль, впоследствии развитый великим Астором Пьяццоллой.

– А вы знаете, что Пульезе неоднократно арестовывали, запрещали передавать записи его оркестра по радио из-за его левых взглядов?

– Нет, я не знала.

– Но это ничуть не мешало его популярности. И музыканты его оркестра были ему преданы, каждый раз ждали его, не хотели играть с другими пианистами. Великолепный музыкант, целая эпоха в истории танго!

Они помолчали, наслаждаясь музыкой.

– Вы знаете, недавно я навещал двух своих друзей, оба немного старше меня. У одного старческая деменция, у другого болезнь Альцгеймера. Зрелище удручающее. У второго признаки болезни стали проявляться вскоре после операции под общим наркозом. Правда ли, что в пожилом возрасте общий наркоз влияет на память?

– Краткосрочно может повлиять, долгосрочно – не знаю, с публикациями на эту тему не знакома.

– Простите, что я о грустном, но я до сих пор под впечатлением от этих визитов. Оба были умными, яркими личностями, и видеть, как их сознание тускнеет... Мне кажется, сам я мог бы перенести любую боль, увечье, потерю слуха и даже зрения. Но когда угасает разум, жизнь теряет смысл. Не зря же тех, у кого перестает работать мозг, называют «овощ». Овощу место в земле, извините за чёрный юмор.

– Ну, уж это вы слишком.

– Поймите, я не желаю им смерти. Это мои друзья. И всё-таки, разве это жизнь? Кстати, как вы относитесь к эвтаназии?

– Ну... Я могу понять, что человек в таком состоянии может желать смерти. Если, конечно, он ещё способен сознательно чего-то хотеть. Но тот, кто помогает другому умереть, имеет ли право настолько вмешиваться в чужую судьбу, идти наперекор природе? Я уж не говорю о том, что существует закон...

– Но если человек осознаёт, что становится обузой своим близким и обществу, не лучше ли ему прекратить своё существование, пока он ещё в состоянии принимать решения?

– В таком случае, почему эвтаназия, а не обыкновенное самоубийство?

– Что вы, разве можно сравнивать! Самоубийство совершают от отчаяния и в одиночестве. А так ты уходишь, когда морально лучше всего подготовлен к неизбежному концу, и ты не один – с тобой кто-то, кто тебя понимает и не осуждает. Осечка исключена, физические страдания тоже – ведь рядом врач. К тому же присутствие другого заставляет человека собраться, вести себя с достоинством. Придаёт смелости, в конце концов. Совсем другое дело!

– Ну да, как говорится, на миру и смерть красна. Кажется, я понимаю, что вы хотите сказать. Но вообще-то ужасно, что мы об этом говорим.

Зазвучало «Либертанго». Переглянувшись, они поднялись. Эльмира стряхнула с себя неприятный осадок от разговора. Сегодня Роберт превзошёл себя. Ей легко было чувствовать себя вдовой. В танго роли мужчины и женщины традиционны. Он отвечает за них обоих, она подчиняется, доверяясь его воле, но именно это позволяет ей со всей полнотой отдаться танцу, раскрыться и проявить себя. На них смотрели из-за столиков и свои, и случайные посетители ресторана, аплодируя удачным па.

– Благодарю, – поклонился Роберт, проводив её на место. – Вы были великолепны.

– Вы тоже сегодня в ударе.

– Чудесный вечер, правда? За ваше здоровье!

– И за ваше!

Они чокнулись и выпили. Солист запел *Bulevard of Broken Dreams*¹⁰.

– Эльмира, я хочу сделать вам предложение. Поймите меня правильно. Я ведь совсем один. Вы сможете мне помочь? Дело в том, что год назад я перенёс операцию и заметил ухудшение памяти, что очень меня беспокоит. Я отложил кое-что на старость, ваши профессиональные услуги будут щедро вознаграждены, мы обо всём договоримся. Это будет не сразу, немножко я ещё поживу. Вы идеально подходите: врач, ещё молоды и сочувственно относитесь к эвтаназии.

– Сочувственно?!

– Во всяком случае, с пониманием, как мне показалось. Не спешите отвечать, обдумайте то, что я сказал.

Они сидели молча. Кто-то из знакомых пригласил Эльмиру танцевать, но она отказалась. Подошла официантка:

– Десерт? Кофе?

– Нет, спасибо.

– А мне шоколадный торт и эспрессо, – попросил Роберт.

– Подождите! – окликнула официантку Эльмира. – Принесите мне, пожалуйста, водки.

– Со льдом?

– Нет.

– С апельсиновым соком?

– Без сока.

– Тогда что же – Bloody Mary¹¹?

– Да нет же, просто водки!

---

¹⁰ Танго «Бульвар разбитой мечты» (англ.).

¹¹ Bloody Mary (англ.) – букв.: кровавая Мери. Коктейль из водки с томатным соком и специями.

– Потанцуем, пока ждём заказа? – предложил Роберт.

– Нет, я устала.

– Не сердитесь на меня, пожалуйста. Я, наверно, ошаршил вас своим предложением.

Простите.

Официантка принесла рюмку водки. Эльмира выпила глоток и поднялась.

– Я, пожалуй, пойду. Уже поздно.

– Хорошего вам вечера, Эльмира! Спасибо, что выслушали меня. Я понимаю, вы должны подумать. Буду ждать!

И повторил по-русски: «Буду ждать».

Уходя, она оглянулась. Роберт танцевал с Ребеккой, зубным врачом. Трио играло «Nostalgias».

2013 г.

Моня, сын Абы

1. Моня

В последний четверг каждого месяца Моня брал клюку, найденную на одной из ближних прогулок, и устремлялся в дальнюю, самую любимую свою прогулку – вниз по шоссе к Мертвому морю, чтобы встряхнуть организм. Моня прибыл в Израиль, когда не уехал туда только ленивый. А ведь мог бы, между прочим, и родиться здесь: в двадцатые годы, когда государства Израиль еще не было и в помине, здесь, на родине предков, познакомились его собственные предки. Вернувшись в Россию, они отрезали от фотографий Тель-Авив, Иерусалим, Яффу, даже мамину тетю – в общем, замели все следы пребывания в Палестине.

Монины дети и бывшая жена уже давно были в Израиле. Моня же был, как говорят по-английски, *late bloomer*, то есть, формула «кто в двадцать не умен, в тридцать не женат, в сорок не богат...» работала по отношению к нему со сдвигом на некую константу, лет этак в десять. В аспирантуру Моня поступил почти на возрастном пределе, женился уже после сорока, а богатство – это как посмотреть: денег больших он не нажил, но благодаря своевременной купле-продаже недвижимости в Питере и правильно рассчитанному времени прибытия в Эрец Исраэль, сумел обеспечить себе скромное, но безбедное существование, а главное, осознал ценность своей жизни и тех маленьких радостей, которые давали ему неустанная работа мозга и безотказное служение мышц. Правда, последнее время его беспокоило, что он отрастил живот, – во-первых, потому, что во дворе убрали детскую площадку, а там был турник, на котором он занимался, а во-вторых... Нет, пожалуй, только во-первых.

Но главным, что заставляло по-молодому ровно жужжать его мотор, были успехи его маленьких питомцев в шахматном кружке. Какой радостью было для него, когда после успеха его команды в очередном турнире в кружок вернулся девятилетний Рафи Едидиа, покинувший его в семь лет! А когда о кружке и о нем, тренере, написали в газете! Ему всегда хотелось прочесть что-нибудь о себе, неважно, + или –. А когда дети делали успехи и не выказывали раздражения его непомерным педантизмом, в отличие от его собственных детей! Сын Мони сказал ему как-то, что не стал хорошо играть в шахматы только из-за его навязчивых наставлений. Это было ударом для Мони. С одной стороны, он не мог простить сына, потому что считал, что сын обязан любить отца, а с другой, не простить тоже не мог, потому что любил сына. Это было мучительно. Он хотел быть лучшим отцом, чем его собственный отец, хотел помочь сыну достичь всего, к чему сам стремился всю жизнь. Сын был единственным достижением в его жизни, которым он по-настоящему гордился. Люди часто говорили Моне о достоинствах его сына, но Моню больше интересовали недостатки и пути их исправления. Он ходил в библиотеку, находил интересные статьи по самоусовершенствованию, писал шпаргалки, готовясь к разговорам с сыном. Но как бы там ни было, а именно наличие сына давало ему уверенность, что он не хуже других и не зря живет на свете.

Можно сказать, что всю жизнь Моня не любил женщин, а просто пытался устроить свою жизнь. А вот Моню некоторые женщины любили, к его большому удивлению, – но только те, которых он тихо презирал. Ему доставляло удовольствие иногда их немного помучить, как бы испытывая на прочность их чувства. Для тех же, кем он восхищался, он мог быть иногда временной тихой гаванью, где они отсиживались между бурными романами с красивыми, сильными, уверенными в себе мужчинами, которыми он тоже восхищался. Ему повезло – он никогда не завидовал тем, кто обладал недоступными ему качествами.

Одна из этих восхитительных женщин даже вышла за него замуж. Дело в том, что у Ники был сын, у которого не было отца. То есть, сын, конечно, был зачат не от святого духа, но

у человека, ДНК которого однозначно определяла происхождение маленького Эрика, была отдельная от Ники и Эрика жизнь с женой, детьми, квартирой, дачей и машиной, что на его шкале ценностей сильно перевешивало эфемерные Никины страстную любовь, красоту и ум. Конечно, ребенок – это серьезно, но у него уже есть двое, в которых вложено столько времени, сил и денег! Поэтому, когда Нику прибило ветром судьбы и отчаяния к Мониному берегу и она случайно забеременела, она сочла это знамение свыше и решила бросить якорь. Моня воспринял известие о беременности со смесью восторга и страха. Ее подкупило, что он не раздумывая, хотя и очень осторожно, предложил ей жениться. Они сидели на кухне, Ника смотрела, как он методично ест яичницу с помидорами, которую она приготовила на скорую руку, и решила, что можно его пока оставить.

Монины родители встали на дыбы: как, чтобы еврейский мальчик из хорошей семьи привел в дом женщину с нагуляным ребенком! Но более чем сорокалетний мальчик проявил благоприобретенную моржовую твердость. Да, то, что в институте он занялся скалолазанием, а позже стал «моржом», сильно изменило его характер. Например, отец был очень против его поступления в аспирантуру, как и две его рано овдовевшие тетушки, к мнению которых он с детства привык прислушиваться. Однажды они при нем обсуждали, нужно ли ему идти в аспирантуру. Моня сидел рядом и читал газету. Оторвавшись от газеты, подал голос: «Это вопрос решенный». Немая сцена, без обычного кудахтанья, свидетельствовала о его новом статусе. Раньше такого быть не могло. Вот и опять, как в случае с аспирантурой, он сказал, что это вопрос решенный. Честно говоря, его восхищало, что Ника, презрев молву, родила ребенка от любимого человека, ну а уж перспектива рождения собственного ребенка приводила его просто в экстаз! Он был счастлив, как никогда в жизни. Он был уверен, что у него будет сын. Он научит его играть в шахматы, будет брать его с собой на скалы, пристрастит к зимнему плаванию и, конечно же, приложит все усилия, чтобы сын защитил диссертацию не позже чем в двадцать семь лет! И он будет кандидатом самых важных и престижных наук, не как Моня, который выбрал сельскохозяйственные науки, потому что это дало ему возможность получить жилье, да и требования были ниже. Перед сном он теперь подолгу мечтал, лежа в темноте, планируя будущее своего будущего сына. А пока он усыновил Эрика и начал учить его играть в шахматы.

Быт его налажился. Собственно, быт педантичного Мони всегда был налажен – он довольствовался малым и следовал раз и навсегда установленному распорядку. Теперешняя его жизнь отличалась от прежней, как праздничный стол от перекусывания на бегу на кухне. У Ники в руках все горело, она была экономной и умела создавать уют из ничего. «Что ты ешь?» – спросила она Моню, когда переехала к нему. «Вообще-то все, только подпорченное не очень», – правдиво ответил Моня. Ника отвернулась, чтобы он не видел ее улыбки: «Ну, у меня ничего не портится. И я не признаю “чем в таз, лучше в нас”. Испортится – выбросим».

Когда родился Женя, Моня был на седьмом небе. Он старался помогать Нике, как мог, но, несмотря на рвение, помощником был плохим. Инициатива его была всегда невпопад, а когда его просили что-то сделать, он задавал столько вопросов, что Ника раздражалась и обращалась к нему за помощью все реже и реже. Он стал готовиться к предстоящему интеллектуальному воспитанию сына, искал подходящие книжки, заходил в игрушечные отделы магазинов, расспрашивал коллег о том, где и чем занимаются их дети, и опробовал свои идеи на Эрике, пока Ника была занята маленьким Женей. Его родители, Лия и Аба, души не чаяли в первом внуке (у старшего сына была дочка, а Эрик был не в счет) и постепенно примирились с Никой. Тетушки же его Нику обожали, на семейном совете решив, что именно такая жена и нужна Моне, которого они по инерции продолжали считать недотепой, несмотря на его запоздалые успехи.

В сыне было все, о чем Моня мечтал. Он рос красивым, веселым, никого и ничего не боялся, великолепно учился, с удовольствием занимался в кружках и спортивных секциях, и

езде его хвалили. Но оказалось, что этого недостаточно: Женя разбрасывал вещи, забывал стелить постель! Он не любил критику и даже не читил, как положено, отца своего! Да-да, он часто дерзил, раздражался, когда Моня подробно анализировал его ошибки или зачитывал с заранее заготовленных шпаргалок советы разных авторитетов по их исправлению. Ника тоже с трудом терпела Монины замечания, вопросы, подробные рассказы – то-сё, пятое-десятое – сколько можно толочь воду в ступе? Родители не замечали ухудшения их отношений, но тетушки заметили и пытались беседовать с Моней, когда встречались с ним наедине. Моня упорно отстаивал свою правоту – ведь на его стороне были авторитеты! – но в глубине души понимал, что что-то делает не так. Однако никак не мог ухватить, что именно. Он не очень расстраивался, потому что тут же погружался в доскональное изучение каждого вопроса с надеждой обязательно его разрешить. Вся свою сознательную жизнь Моня интересовался, старался, стремился, овладевал, но всегда как будто не врубался. Как будто он включал свои 220 вольт в сеть с напряжением 110.

Когда дети подросли, а подруга Ники, стюардесса, стала работать на рейсах, доставляющих цинковые гробы из Афганистана, Ника с Моней стали беспокоиться за судьбу мальчиков. С началом перестройки Ника решила уехать в Израиль, и Моня поддержал это решение. Правда, там ребятам придется служить в ИВС, но, считали они, все-таки меньше шансов быть убитыми или физически и морально покалеченными. Моня вообще был оптимистом, а Ника к тому же хотела жить рядом с сестрой. Ехать она решила без Мони, и хотя он очень переживал, но смирился с этим решением. Он всегда считал Нику более совершенным и лучше приспособленным для жизни существом, поэтому не был уверен в том, что имеет право удерживать ее. Но его волновала предстоящая разлука с сыном. Он знал, что это не навсегда, времена уже не те, но все-таки он не сможет часто его видеть. Каждую свободную минуту перед отъездом он старался быть рядом с Женей и удивлялся, что у Жени нет такого же глубокого чувства потери. Более того, сын однажды застал его врасплох, сказав, что ему не повезло с отцом. Все, что Моня смог сказать, было «родителей не выбирают». Потом пошли мысли. Через день-два он понял, что своим ответом фактически признал правоту сына. С Женей всегда нужно быть начеку! Моня отправился в библиотеку и всего лишь через час нашел нужный ответ. Все свободное время он планировал, как, если подобное повторится, он вытащит шпаргалки и проведет воспитбеседу. Он боялся, что будет смешон, если, не дожидаясь повода, заговорит об этом. Но сын уехал, так и не дав ему повода.

Через несколько лет Моня понял, что его место тоже там. Этому предшествовали смерть отца и его визит в Израиль. Эрик уже женился. Женя закончил первую ступень и служил в артиллерии. Как красив он был в военной форме, с вещмешком и автоматом за плечами!казалось, все дочери иерусалимские, грациозные, как горные серны, должны быть влюблены в него. В сыне было все, чего не хватало его отцу. Правда, в нем было слишком много самодовольства, но Моня надеялся, что время, опыт, на худой конец, жена, излечат его от этого.

Ника замуж не вышла. Хотя дети выросли, заполнять вакуум кем попало она не хотела, да и не было его, вакуума: появились внуки, которые давали жизни новый смысл. Моне она сразу ясно дала понять, чтобы он не рассчитывал на возврат к прошлому, так что он оставил последнюю теплившуюся в нем надежду, едва переступив порог их квартиры. Все старые знакомые, которых он посетил во время своего разведвизита, были так или иначе устроены. Их старость казалась более обеспеченной, чем то, на что он мог рассчитывать, оставаясь в Петербурге. Ему захотелось переехать поближе к сыну, чтобы чаще видеть его, чаще звонить ему по телефону.

Моня поселился в городке в районе Иудейской пустыни, ландшафт которой напоминал ему марсианский, каким он его себе представлял. Эта земля непонятно будоражила душу, в то же время давая ощущение покоя, как от прикосновения к вечности. Отсюда было недалеко до Ники и детей. Моня купил квартиру и стал налаживать режим новой жизни. Со спортом было просто – бассейн, прогулки, занятия на спортивных снарядах были даже удобнее, чем купание

в проруби или скалолазание: и заниматься этим можно было круглый год, и безопасней. С досугом тоже все устроилось легко. Моня читал полемические статьи на разные темы, делая выписки; собирал вырезки из русских газет, которых в Израиле выходило великое множество, особенно рубрики «Юмор» и «Знаете ли вы...». В мире столько поразительного! Например, знаете ли вы, что глаз устрицы больше, чем ее мозг? А то, что девяносто семь процентов людей, которым предлагают новую ручку, первым делом напишут свое имя? А что у летучих мышей пятьдесят два зуба, но они ими никогда не пользуются? Моня купил компьютер и медленно, но верно его осваивал. Читать было легко, печатать трудно. Он находил много интересных, редких материалов в библиотеке и у знакомых. Например, поразивший его трактат об искусстве спорить, который он потом сумел отыскать в магазине старой книги во время одного из своих наездов в Питер и раз в полгода увлеченно штудировал. Он пытался следовать этим разумным правилам, но с удивлением обнаружил, что почти все вокруг следовали образцам, которые в трактате критиковались как недопустимые! Казалось бы, все так просто – изучить правила, и человечество сможет обо всем договориться. Но человечество, включая многих его знакомых, предпочитало пользоваться запрещенными приемами. Недавно Моня читал местами «Двести лет вместе» и, хотя уже забыл впечатление, отметил, что знаменитый писатель, учивший жить не по лжи, прибегает к ложным приемам в отстаивании своей точки зрения.

С личной жизнью поначалу успехи были скромные. Его знакомили с женщинами, с одной он даже съехался ненадолго, но она порвала с ним. Однажды она сказала при Моне своей подруге: «Когда умер мой сын, я перестала верить в Бога». «Какая может быть торговля с Богом?» – вмешался Моня, и эта фраза переполнила чашу ее терпения, которая и так уже была полна до краев. Но разве он был неправ?! Нельзя купить любовь. Так же и с верой в Бога. Ты или любишь, веришь – или нет.

А потом его познакомили с Броней. Квартиру свою он сдал и поселился у нее. Жениться Моня не собирается, но супружеские обязанности, как он их понимает, выполняет исправно, Броня довольна. Она хлопочет вокруг него, уважает, гордится. Моня считает ее простой, провинциальной, пожилой (хотя она моложе его) и слишком полной. Но стабильность и удобство все-таки перевешивают.

И все же чего-то в жизни не хватало. Моня чувствовал, что у него есть что дать людям, точнее, детям. Взрослым попробуй дай, да и что с них толку? Всем, что он не успел дать своему выросшему сыну, он хотел одарить других мальчиков. И лучшее, чему он мог их научить, были шахматы. Моня стал планомерно обходить местные школы, предлагая организовать шахматный кружок. Мат-нас¹² пошел ему навстречу. И вот Моня стал регулярно заниматься с детьми, а перед каждым городским турниром проводил в школах подготовительные туры. Дети называли его «саба», т.е., дедушка, что вначале сильно ему не нравилось, но потом он смирился. А кто же он, в самом-то деле?

Его подопечные стали занимать призовые места. Одна мама, узнав о победе сына, купила кубок, и директор вручил его на линейке в школе. Теперь Моня сам закупает кубки и звонит родителям – купите? Всего 60 шекелей! Однажды купил на свои деньги медали. Но ему хотелось большего, например, провести виртуальный турнир между школьниками их города и школьниками США, добиться выделения средств на приобретение кубков. Он узнал, что американские побратимы их города давали Матнасу деньги на культуру, и теперь регулярно заходил к Хаймовичу, который ведал деньгами, и к его секретарше Яэль и испытывал их терпение, правда, без большого успеха. Он решил, что должен сам поговорить с американскими спонсорами, найти детские шахматные кружки, договориться о проведении турнира и заручиться письменной поддержкой, и тогда никто не посмеет отказать.

---

¹² Культурный центр, где проводятся концерты, работают кружки, спортивные секции и т.п.

И вот возможность представилась: Женю приняли в аспирантуру в Америке, и Моня решил воспользоваться визитом к сыну для осуществления своих планов. Это оказалось непросто. Отчаявшись найти подход к американским организациям, Моня поехал на Брайтон Бич, решив, что среди своих-то он уж точно найдет понимание. И действительно, легко нашел его среди мужчин, игравших в шахматы на скамейках возле пляжа. Его тут же познакомили с тренером детского шахматного клуба «Белый слон», попросили в соседнем ресторане листок чистой бумаги, и тренер поставил размашистую, похожую на барельеф подпись на нижней половине листа, предложив Моне напечатать сверху все, что ему нужно.

У Жени, однако, этот успех не встретил одобрения, и он не только отказался печатать текст над подписью, но и резко сказал: «Все равно у тебя ничего не выйдет». И опять, как всегда, застал врасплох. Но, очевидно, сжалившись над расстроенным отцом, сын нашел недавно открывшийся шахматный клуб для детей в Манхэттене и свел туда Моню. Там серьезно отнеслись к его желанию провести виртуальный турнир по типу телевидеоконференции и даже повели его на занятия шахматного кружка в одну из местных школ для обмена опытом. Потом Моне вручили письмо на фирменном бланке с печатью и подписью, фирменную майку с эмблемой клуба и значки, тоже с эмблемой клуба, для израильских детей. Моня не остался в долгу: он привез с собой три из купленных им медалей и передал их администратору клуба для вручения американским детям, победителям будущих турниров. Женя и к этому отнесся скептически. Вздохнув, он повел отца на прием к пожилой паре, учредителям благотворительного фонда, и те, очарованные Женей, выписали Моне чек на триста долларов на развитие детских шахмат в Израиле.

Вернувшись домой, Моня пришел со своими трофеями к Хаймовичу, и в конце концов тот обратился в еврейскую организацию из штата-побратима с просьбой выделить недостающие \$400 на проведение виртуального турнира между израильскими и американскими школьниками, приложив письмо, привезенное Монею из Нью-Йорка. И вот, когда, казалось бы, турнир был у Мони в кармане, из Америки пришел отказ: побратимы из еврейской организации оплачивали молодежные программы только для еврейских школьников, а состав юных шахматистов из Манхэттена был весьма космополитическим. И это не были безродные космополиты в том смысле, который имел в виду Сталин, когда боролся с ними в последние годы жизни. Моня был не согласен, он считал, что чем больше разных детей в разных странах мира будет играть в шахматы с израильскими детьми, тем лучше, но его мнения никто не спрашивал. Так что единственным реальным результатом его поездки были те \$300, которые помог ему раздобыть Женя. Если цены на кубки не подскочат, этого должно хватить на несколько лет.

Шестнадцатого ноября был очередной городской турнир, а четвертого декабря, в День спорта, директор школы вручал кубки. Моня написал заметку «Рони – шахматный чемпион» и, слегка подредактированная, она появилась в местной газете вместе с фотографией, которую дал Моне на дискете отец чемпиона. На фото – улыбающиеся Рони и директор и серьезный Моня. Броня сказала, что он хорошо получился – никто не скажет, что ему уже за семьдесят.

Он стал даже чаще ходить к Мертвому морю – раз в три, а то и в две недели. Иногда кто-нибудь просится взять его с собой, но Моня этого не любит: они сначала убегают вперед, а потом отстают, только мешают. А это его любимое время. Вокруг Иудейская пустыня, самое интересное место на Земле, и в конце пути, как награда, синяя водная гладь, в которой отражаются скалистые берега. В дороге удобно думать: идешь – и мысли идут. Главное – недовольство собой, тема интересная, актуальная. Ему мешало, что часто он остро чувствовал свою правоту, но редко кто это признавал, и он постоянно искал доказательств, надеясь при случае представить их своим оппонентам. Но случая, как правило, не представлялось, и инцидент за инцидентом исчерпывались временем, так и не дав Моне возможности оставить за собой последнее слово.

На обратном пути, одолев последний подъем перед поворотом в город, он всегда ощущал какой-то подъем духа, т.е., вдохновение + энтузиазм, как всегда, когда у него что-то получалось.

2. Аба

Старый Аба был фигурой колоритной. У него загорелое, с крупными лепными чертами, помятое временем лицо, оживленное стереозффектом разноцветных глаз – карий и синий, каждый из них независимо выражал свою эмоцию, что делало лицо особенно выразительным. Его любимое словечко было «немново»: покушайте немново, привезу немново, расскажу немново. На самом деле, всего было много – и его, и его историй, и угощения.

Маленькая белокурая Лия – как пугливая белка. Аба всегда был готов ее защищать. Если ему казалось, что кто-то смеет угрожать Лие, его синий глаз начинал метать грозные молнии, а карий излучал любовь к его избраннице и грусть оттого, что в мире столько хамства.

Когда они, поженившись в Земле обетованной, вернулись в Россию, Аба с Лией тщательно отрезали с фотографий Палестину, оставив только себя. Вот маленькая, тоненькая Лия сидит, фигурально говоря, на чемоданах у своей тети в Тель-Авиве и ждет отъезда в Америку. А вот она снята в парке в Яффе уже вместе с Абой. Этот неотразимый гигант приехал в Палестину из Бобруйска, появился в салоне, то есть, маленькой гостиной Лииних родственников, бросил на нее орлиный синий и добрый карий взгляд, и чемоданы вместе с Лией вместо Нью-Йорка поехали в Крым, потому что Аба решил жить и работать в еврейской сельскохозяйственной общине в Крыму. Так сказать, советский вариант кибуца.

Их старший сын Додик тоже вырос высокий и бравый, но в глазах его, карих и ласковых, никогда не сверкали молнии. Не метали молний и голубые глаза младшего сына Мони. В них была отрешенность, даже какая-то растерянность. Он иногда смеялся, а глаза его не улыбались никогда. Огненная синева Абиного глаза не досталась его сыновьям, но засверкала-засветилась в глазах его внука Жени, Мониного сына, а белокурость Лии унаследовала внучка Ира, дочь Додика.

Жизнь Абы и Лии была не сахар. Сколько усилий и изворотливости потребовалось, чтобы выжить и вырастить сыновей! Поначалу все шло хорошо. Они жили в Крыму как в раю. Что с того, что работы много? Аба любил работать на земле, любил командовать. И то и другое у него хорошо получалось. Скоро он стал председателем сельсовата, и люди его уважали. Так хорошо было приходиться с работы домой, Лия подает все на стол с пылу с жару. Продукты свежие, и она так вкусно готовит! Додик растет херувимчиком, правда, баловной, так что когда появился на свет маленький Моня, Лия едва управлялась.

Вот приходит Аба с работы, Лия на стол накрывает, а сама губы поджала, на мужа не смотрит, и глаза заплаканы.

– Что случилось, Лиечка, солнышко?

– Ничего не случилось, все хорошо. – А у самой слезы наворачиваются.

– Кто тебя обидел, мамочка?

– Никто!

– Я же вижу! Я не буду есть, пока ты мне не расскажешь.

Этого Лия не могла перенести:

– Кушай, кушай, я все расскажу!

Что же оказалось? А то, что этот ангелочек Додик шалит, маму не слушает, и все чего-то требует, требует! А когда мама ему говорит: «Не могу, ты видишь, я занята, подожди», так взял моду кричать, топтать ногами, а то еще на пол кинется, и ну стучать головой! И никаких слов не хочет слышать! Аба слушает, ничего не говорит, только ест да нахваливает, и на сыночка любимого старшенького поглядывает, тормозит его да смеется. Тот было примолк, пока мама

не него жаловалась, а тут осмелел, разошелся, развеселился – и отец вместе с ним. Когда поели, Аба показал Додику на бутылку из-под наливки, что в углу стояла, и говорит:

– Лезь в бутылку!

Додик смеется-заливается, по комнате бегают. Аба поймал его за плечо и опять:

– Лезь в бутылку!

Малой попробовал вырваться, да не тут-то было – отец крепко держит и свое твердит:

– Лезь в бутылку! Сколько раз тебе повторять?! – А Лие говорит:

– Принеси-ка мне хлыст!

Мальчик еле говорит со страху:

– Но я же не могу! Не могу!

– Ага, ты не можешь? А когда мама тебе говорит, что не может, ты почему не слушаешь?

Почему кричишь, требуешь, ногами топаешь, как дурной? Мне такой сын не нужен!

– Папочка, папочка, я больше не буду! – И слезы градом.

– Ну смотри, я тебе верю. Но если мама еще раз мне скажет, что ты не слушаешься, мешаешь ей, – загоню тебя в эту бутылку, и будешь там сидеть, пока не исправишься.

И все – как рукой сняло! Детям нельзя много воли давать. Вот так и жили.

А через пару лет приехали в деревню товарищи из района, вызвали Абу в сельсовет, показывают ему списки – вот, мол, коллективизацию начинаем, завтра раскулачивать пойдем, будь готов. Аба ничего не говорит, водки им наливает, послал человека, чтобы Лия закуски принесла. Товарищи из района такие довольные, спать легли, а Абе сказали, мол, приходи завтра утром пораньше, пойдешь с нами по дворам. А когда утром встали да глаза продрали, оказалось, что раскулачивать и в район увозить некого: все, кто был в списке, исчезли, и председатель вместе с ними.

Понимая, что его могут искать, в родной Бобруйск Аба не вернулся. Поселился под Ленинградом и устроился работать на железной дороге. Он быстро продвинулся по службе, потому что умел вовремя открыть рот, но далеко не пошел, потому что не умел его вовремя закрыть. Дали им комнату в коммунальной квартире, и стали они жить потихоньку, детей растить, добра наживать. Все хорошо, да только стал замечать Аба, что Лия молчит, когда он с работы приходит, губы поджимает, глаза отводит. А один раз пришел, а глаза у нее заплаканы. В чем дело? Оказывается, соседка Нюра, толстая злыдня, житья не дает Лие, и чем дальше, тем хуже. Лия оставит на керогазе кастрюлю на маленьком огне, сама в комнату уйдет – гладит там, шьет или носки штопает, пока у нее борщ варится или жаркое тушится, а придет на кухню – огонь потух, все недоваренное стоит и давно простыло. И случается это только когда Нюра дома. А на Лиины вопросы ехидно так отвечает, что само потухло. А с тех пор, как они купили буфет, гордость Лии, и на кухне его за дверью поставили, Нюра каждый раз, как на кухню заходит, дверью изо всех сил как шваркнет – и прямо по Лиинной гордости, по буфету, так что в нем только посуда звенит, а у Лии сердце ёкает.

Аба ничего не сказал, поцеловал Лиечку, успокоил свою милую и сел к столу. А через два дня ее спрашивает:

– Ну, как Нюра? Все так же дверью по буфету шваркает?

– Да нет, ты знаешь, когда она сегодня на кухню вышла да дверь, как всегда, изо всех сил распахнула, так дверь о буфет ударилась и обратно как отскочит! Нюре прямо по морде. Она завыла и к себе ушла. – Лия рассказывает, а сама хитро так смотрит.

– А чего ж это дверь, интересно, так отскочила?

– А кто-то внизу к буфету толстый кусок резины прибил, вот и отскочила.

– Откуда же этот кусок резины там взялся, хотел бы я знать? – А сам вот-вот засмеется.

Посадил Лию к себе на колени, обнял и поцеловал.

– Если эта злыдня тебя опять донимать будет, ты не молчи, миленькая, сразу мне говори, – сказал Аба.

Нюра стала как шелковая. Дверь в кухню тихохонько так открывает, да для профилактики и с керогазом шутки шутить перестала. Вот так и жили.

Во время войны Абу с семьей отправили в эвакуацию: без железных дорог не выжить ни на фронте, ни в тылу. Аба много работал, и Лия с Додиком на завод пошли. Паек у Абы хороший, да еще стахановские обеды в столовой получает, а Лие с Додиком не хватает, и малой вечно голодный. Аба договорился в столовой: я сам есть эти обеды не буду, мне и так довольно, а буду свою семью приводить, они за меня питаться будут. Ему разрешили. Душа радовалась, когда он смотрел, как Лиечка и мальчики кушают. Сам скоро доходягой стал. Но грех жаловаться: что делать, время было такое – все страдали. Главное, живы остались. Младшенький, Моня, ослаб, стал часто болеть. Когда блокаду сняли, они сразу вернулись в Ленобласть, и Аба пошел котельщиком на нефтебазу работать. Работа никакая человека не срамит, это человек может осрамить любую работу. Главное, работать честно. Жилье получили – маленький домик, комнатка и кухня. Зато был клочок своей земли, и Аба снова с удовольствием на ней работал. Появилась своя малина, сморода, крыжовник, овощи, зелень, да и грибы в лесу и на их долю росли. Потом кур завели, гусей, пару поросят, а там и корову купили. Корова хорошая, дай ей бог здоровья, стали излишки молока по соседству в дом отдыха продавать. Появились лишние деньги. Да что говорить-то, лишние деньги никогда не лишние. Додик вырос, поступил в техникум, женихом стал. Ростом с отца, так что стали ему все новое шить да покупать – костюмы, рубашки, пальто, а Аба его недоноски донашивал. И карманные деньги молодому человеку нужны. Смотрит Аба на сыночка своего старшенького, какой он красивый и хороший, и говорит Лие: «Пусть у него все будет, пока молодой, нам на старости лет это все сторицей окупится». Моня еще малец, школьник. Вырос, окреп, откормили его хорошей домашней едой, все свежее с огорода, и два раза Аба его с Лией в Евпаторию отправлял на поправку. А для чего же жить, как не для детей?

Додик веселый, ласковый, а Моня больше молчит, книжки читает, но слишком много воли забирать стал: в кружки разные ходит, после школы задерживается, говорит, в шахматы играет. Фотоаппарат купить просит. Баловство одно! Как-то пришел домой совсем поздно, Аба с Лией уже спать легли.

- Где ты был? – окликнул Аба с кровати.
- В школе.
- Почему так долго?
- Были соревнования по шахматам. Я занял первое место!
- Принеси-ка мне хлыст!

Моня принес хлыст, стоявший в углу, и отец его несколько раз ударил.

Так и жили. Додик женился, Моня в институт поступил. Корову продали. Аба и тому и другому сыночку рюкзаки возит – круп всяких, шпик, фрукты, овощи, грибы, компоты, что Лия закатывала. Четверть туши на зиму покупает, чтоб дети кушали натуральное мясо. И денег обоим давали – Моне на обеды, а Додик, хоть и семейный человек, но зарабатывает мало, жена Кира студентка, и ребеночек уже родился, Ирочка, внученька ненаглядная. Вот только сыночек младшенький с лица спал, худой стал – видно, тяжелы они, науки эти! Как-то приходит Аба домой, а на Лие лица нет.

- Что случилось, Лиечка?

А она бледная такая, руки трясутся:

- Ты посмотри, Аба, что я нашла!

И показывает ему кучу денег, рублей 800 старыми деньгами! Тут и Абе не по себе стало:

- Откуда эти деньги?

И что же оказалось? Приехал меньшой сынок из института, сам в кино пошел, а пиджак на стуле оставил. Лия взяла его почистить, вывернула карманы, а оттуда деньги так и посыпались!

– Мы ему и продукты, и деньги, а он не кушает, деньги копит, в доходягу превратился. И зачем он их копит? – причитает Лия. Такая всегда спокойная, слова не скажет, а тут категорически так заявляет:

– Вот придет из кино, я ему задам!

Аба ее успокоил и говорит:

– Давай, я с ним сам по душам поговорю, когда он домой придет. А ты добавишь потом, если захочешь.

На том и порешили. Пришел Моня из кино, накормили его ужином, а когда он спать ложиться собрался, Аба у него, как бы между прочим, спрашивает:

– А скажи-ка, сынок, проходил ты у себя в институте про помещиков и феодалов?

– А что тебя интересует?

– А то меня интересует, что посылали они своих сыночков учиться в Москву и в Петербург, и одни учились, а другие играли в карты, вели разгульную жизнь, и только телеграммы слали родителям: высылайте деньги.

Моня ему отвечает, что не пьет, не гуляет и денег не просит, отец сам ему дает.

– А зачем ты деньги копишь? Я тебе даю на пропитание, а ты копилку завел.

– Я фотоаппарат хочу купить.

– Мог бы сказать, купили бы как-нибудь и без накоплений, а раз так, никакого тебе аппарата не будет.

И забрал все деньги. И успокоились Аба с Лией, видя, что сыночек снова стал поправляться.

Тем временем Кира вернулась в институт доучиваться, а Ирочку, крошку, бабушке привезли смотреть. Молоко Кира сцеживает, на целый день оставляет. Не нравится это Лие: молоко скисает, у ребеночка понос начинается. Что делать? Коровы уже нет, так договорились с соседями, чтобы те молоко доили прямо в детский роток, а грудное Лия в снег выливала. Так и выкормила бабуленька деточку ненаглядную. Растет куколка, хорошеет на радость дедушке с бабушкой. Аба даже Кире сказал: не та мать, что на свет произвела, а та, что выкормила-выходила. Кира шутки на поняла, надулась.

Пришло время, Кира работать пошла, а Ирочку в детский садик отдали. Была румяная, пухленькая – любо посмотреть! – а теперь из болезней не вылезает. Однажды зимой Аба никому ничего не сказал, а поехал с утра пораньше разведать, что же это за садик такой? Разыскал его, заходит в темную прихожую, и что же он видит? На мраморных ступеньках сидит его кровиночка, одна-одинешенька, как в лесу! Садик круглосуточный, и Ирочку в группу не пускали, пока другие дети утром не встанут. Аба схватил свое сокровище в охапку, предупредить было некого – и домой! Бабуленька рада-радешенька, плачет и смеется, наглядеться на может на свою родненькую. Детям звонить не стали – сами позвонят. И вечером звонят они в панике: сын приехал, как обычно, за Ирочкой в садик, а ее там нет, и все поиски безрезультатны! Тут им Аба все и рассказал. Ну, все тогда успокоились, Додик с Кирой примчались, девочку свою обнимают. И стала она опять у Абы с Лией жить.

На чужих руках, говорят, дети быстро растут, да и на своих тоже. Незаметно внучка выросла, в школу пошла, стала с родителями жить. Меньшой сын, что, думали, вечным студентом будет, аспирантуру кончил, живет самостоятельно, каждый месяц родителям деньги высылает. А на нефтебазе у Абы этиловый бензин пошел, очень вредный для организма, хворать он стал, да и без того уже тяжело работать, давно на пенсию пора. И стали дед да баба в своем хозяйстве работать, друг дружке помогать. На праздники, а когда и на выходные, сыновья приезжают с невестками, у Мони уже сынок появился, красавчик Женечка, шустрый такой, в деда. И Никин Эрик, которого Моня усыновил, тоже хороший мальчик. Стол ломится: Аба припасет, Лия наготовит. «Кушайте, кушайте! – уговаривает Аба. – Ирочка, грибочков бабушкиных немново! Ника, доченька, давай гуся кусочек тебе положу! Лия, Женечке бульончику

еще немново! Додик, возьми шпикку к водочке!» Но тяжело уже старикам одним жить – сердце пошаливает, к врачам стали чаще ходить, а дети из города часто ездить не могут, и решили Аба с Лией свой домик на комнату в Ленинграде сменять, к детям поближе. Воли той нет, что на своей земле, но есть газ и вода горячая, туалет, ванная – все легче, чем в пригороде. Переехали и живут себе.

Все хорошо, но годы берут свое. Занедужил Аба, и нашли у него аденому, сказали, нужно срочно оперировать. Увезли его в больницу, а после операции, когда ему получше стало, сказали ему, что через два дня после него Лию в другую больницу увезли – сердце. Заторопился он, стал просить его выписать, но врачи не пускают. И правда, очень слаб он был, какая выписка! А когда немного окреп наконец, приходят к нему оба сыночка и говорят, что мама умерла. Так она и не оправилась после инфаркта, осиротила своего Абу. Померкла его звездочка путеводная, закатилось ясное солнышко... Вся поправка пошла насмарку. Уж и не чаёт Аба, что живым из больницы выйдет. Внучка раз пришла его вместе с женихом проведать, порадовала – хороший парень. А в другой раз Додик с Кирой пришли, говорят, папа, давай сделаем внутрисемейный обмен: Ирочку в твою комнату пропишем, а тебя – к нам. А ты будешь жить, где захочешь, но лучше у нас, чтобы мы за тобой ухаживать могли. И то правда! Принесли бумаги, Аба все подписал.

Вышел Аба из больницы, хотел его Додик сразу к себе отвезти, но он попросил сначала заехать домой, где он в последний раз видел свою милую. Приехали – и что он увидел? Голые стены! Где же все?

– А мы уже все в твою комнату перевезли, ты же теперь с нами жить будешь!

– А что это на стульях лежит?

– Это набор столового серебра, который мы вам с мамой на золотую свадьбу подарили. Мама сказала, чтобы он Ирочке остался. А это шапка меховая и шуба, она тоже внучке хотела оставить.

У Абы потемнело в глазах. Как, он уже не хозяин у себя в доме! Перевезли, не спросив у него!

– Но папа, вам было плохо, – сказала Кира, – а у Ирочки скоро свадьба, им нужно мебель покупать. Мы решили и вас перевезти, все у себя подготовить, и чтобы молодым было легче.

Они решили! Командиры! А тут Иришка заходит, целует дедулю, пальто снимает. Ахнул Аба, увидев на своей куколке Лиину мохеровую кофту. Сердце у него оборвалось, плохо стало деду, пришлось скорую вызывать. Впервые в жизни Аба растерялся. Желание оградить жену от обидчиков, хоть и не имело уже смысла, стало даже острее, чем раньше, не находя выхода. Любовь к внучке мгновенно была вытеснена обидой и возмущением. Аба привычно горой встал на защиту Лииних интересов, не понимая, что раз Лии нет, то и интересы ее уже другие, и может быть, если иной мир все-таки существует, она с радостью смотрит оттуда на любимую внучечку, кровиночку свою ненаглядную, в любимой своей кофте.

Поправившись немного в больнице, Аба стал обдумывать, как добиться правды, наказать обидчиков. Додик уехал отдыхать по горячей путевке, оставив отца на попечение семьи, и Аба тут же сочинил письмо директору дома отдыха, в котором просил его поставить в известность отдыхающих, что находящийся среди них Д. А. Курбацкий выгнал отца, голого и босого, из дома, присвоил его имущество и что он, отец, просит тов. директора создать тов. Курбацкому все условия для полноценного отдыха, чтобы тот набрался сил, которые ему понадобятся, чтобы продолжать сживать отца со света. Потом он решил, что этого недостаточно – лучше подать на внучку в суд. И стал трудиться над письмом в горсуд своего района. Однако, поразмыслив, решил, что и это не лучший вариант, а что лучше всего написать в партком завода, где Додик работал начальником цеха. Аба написал заявление, требуя содействия в осуществлении обратного обмена жилплощади, и составил список вещей, которые должен был ему вернуть бывший сын, Д. А. Курбацкий. Опись на полутора страницах включала все, от кушетки и теле-

визора до ватного одеяла и пяти трехлитровых банок компота черной смороды. Не выжил он еще из ума, рано они решили, что можно с отцом не считаться!

Когда Додик вернулся из дома отдыха и забрал отца из больницы, Аба злорадно ему сообщил, что подал на него жалобу в партком. Додик, обычно спокойный, взорвался. Кира была в истерике. Аба позвонил Моне и попросил увезти его к себе. В дороге Моня молчал, а Аба возмущался: много воли взяли, мне командующие не нужны! «Плохо я вас учил, мало бил». Моня задохнулся от возмущения, хотел вспылить, но подавил в себе это желание. Они отвели Абе отдельную комнату. Ника ухаживала за ним, как и родная дочь, будь она у него, не ухаживала бы. А ведь когда-то они с Лией задирали на Нику носы!

В парткоме перепечатали на машинке Абино заявление и опись и выдали ему копии. Создали комиссию, приезжали к нему беседовать, а потом он получил ответ за подписью секретаря. Партком считал, что ситуация возникла в результате его претензий и необъяснимого недовольства сыном в чисто семейном плане и взаимонедопонимания с обеих сторон. Они писали, что разъяснили тов. Курбацкому Д. А. его ошибки и обязали сделать первый шаг к примирению.

Состоялся новый обмен жилплощади, более сложный, так как в его бывшей комнате был уже прописан муж внучки и молодые ждали ребенка, и Аба получил комнату в другом районе. Вещи, включая столовое серебро и бабушкину кофту, согласно описи были погружены в присутствии Мони и представителя парткома и перевезены за счет бывшего сына на новое место. Однако Аба продолжал жить у Мони, прихватив пододеяльник, компоты и кое-что из одежды. Братья перестали разговаривать. Ира с Женей друг с другом не виделись. Ника с Кирой иногда тайком перезванивались о состоянии здоровья Абы, но с отъездом Ники с детьми в Израиль и эта связь оборвалась. Через пару лет Аба умер, так и не увидев своего правнука. Додик с семьей не был на его похоронах. Комната Абы пропала, так как ни он, ни Моня вопрос о прописке не поднимали.

В этот период угасания в нем жизни постепенно поблекла яркость Абиной природы, и самой живучей его чертой оказалось упрямство. Он пронес его через жизнь, как знамя, не уступая ни пяди облюбованной территории, вставая на дыбы, когда его пытались склонить к компромиссу. Но все чаще, когда он оставался один и молча, тайком давал своим чувствам выйти на волю, он испытывал такую любовь и к покинувшей его Лие, и к обоим сыновьям, к невесткам, внукам! Аба вспоминал, как все они сидели у него за столом, дом был полная чаша, и он подолгу смотрел в глаза своих дорогих, любясь ими. Он догадывался, что что-то, наверно, делал не так, но по-другому он не умел. В потаенной глубине своего уже медленно и неровно бившегося сердца он знал, что неправ.

2005 г.

И вот она стоит ласточкой на камне

Катскильские горы невысокие, обжитые – деревушки, дачные поселки, курорты, дороги, тропы. Мужчина и женщина оставили машину высоко на паркинге и пошли к смотровой площадке. На небе виден кусок радуги. Тоня забралась на выступ скалы, сделала ласточку и крикнула: «Тошик, чикни меня! Вон оттуда, чтобы я была под радугой!»

И вот она стоит ласточкой на камне, душа поет, только слов не разобрать, но мелодия такая знакомая! Внизу перед ней долина со змейкой реки, озеро, редкие домики, за деревьями мелькают движущиеся точки машин – все как на ладони – и, как на ладони, ей видится вся ее жизнь.

Еще одна фотка с ласточкой будет вставлена в прорези картонной страницы старого альбома. Вот она делает ласточку на даче, куда выезжали с детским садом, а это – в пионерлагере: группа ребят показывает акробатический этюд, по краям две девочки-ласточки, одна из них Тоня. А это на берегу Днепра под Киевом. На ней новый купальник, и у нее – фигура. Такая красивая, как будто ее сняли с витрины! Она влезла на валун, сделала ласточку, и мальчик из класса ее сфотографировал. А вот это в доме отдыха с первым мужем-летчиком, когда она поднялась на вершину холма, и он ее заснял. Вот Тоня-ласточка в Эмиратах на пляже – песок такой чистый, и небо без единого облака, она так любила туда летать! – а теперь будет еще одна, в американских горах под радугой.

Тоне под пятьдесят, она выросла в крупную женщину – сначала ввысь росла, теперь вширь – но в душе так и осталась девочкой. Может, потому ей и не дано было стать матерью? А она бы хороших детей могла воспитать! В Америке, когда работала няней, из всех выделялась.

Маленькая детская площадка всегда забита детьми и женщинами – мамами, няньками, сидящими на скамейках. Только один мужчина, представляющий женское начало в паре геев, выгуливает недавно удочеренную ими девочку. Тоня никогда не сидит – она то играет со своей подопечной Яной в мяч, то помогает ей взобраться по ступенькам на горку, то следит, чтобы она не упала с пластмассового велосипеда. Вдруг крики, шум. Мальчик лет трех просунул голову между металлическими прутьями забора – видно, хотел пролезть с площадки в парк, но застрял. Ребенок верещит, мать кудахчет, все в панике – что делать? Тоня выбегает за ворота площадки, подходит к мальчику, поворачивает боком его тельце, и оно легко проходит между прутьев следом за головой. Тоня берет его за руку и подводит к матери. «Как это вы догадались?» – галдят все. «Нет, это как *вы* не догадались», – хочется сказать Тоне, но она молчит и улыбается. Она не любит говорить и даже думать о людях плохо, хотя иногда приходится и думать, и говорить. Ну да ладно, пусть им будет хорошо – так всегда говорила ее бабушка.

Тоня любит показывать Яне картинки в книжках, даже сама купила ей в подарок несколько штук, читает ей вслух. Рано приучила ребенка к горшку, а у американцев и трехлетние в дайперсах¹³, чтобы, говорят, психику ребенка не травмировать. Чудно! И чего не выдумают, чтоб люди денег побольше истратили, пока ребенок вырастет! Говорят, на свалках эти дайперсы – главный мусор. Тоня показывала Яне и называла птиц, деревья, цветы. Хорошая у них была учительница в школе, водила их на прогулки в парк, на пришкольный участок и все показывала, объясняла. А Яна такая умная девочка! В три года умеет считать, говорит волшебные слова, выделяется среди детей своей ловкостью – а все Тоня. Мамаши подходят к ней, удивляются, спрашивают, не согласится ли она с их детьми сидеть, больше денег предлагают. А чего удивляться? Она ведь окончила училище дошкольного воспитания в Киеве! Правда, воспитательницей не работала: увидела объявление о наборе в стюардессы и решила попробовать.

---

¹³ От английского *diapers* (подгузники).

Проверяли их от и до – она подошла и по здоровью, и по анкете, и по внешним данным, такая блондинка-украинка. Хотя украинской крови в ней почти нет, больше русской и польской.

Как она любила летать! Самолет летит, распластав крылья, а Тоня внутри сама чувствует себя птицей. Как будто это она летит, раскинув руки и подставив лицо ветру. Днем облака внизу, как сахарная вата. А ночью – как снежное поле, освещенное луной. Когда летишь на восток, обгоняешь время. Луна со звездочкой в поводу сопровождает самолет, а потом отстает. Куда только Тоне не приходилось летать! Иногда им разрешали остановиться на пару дней в местах назначения. Едешь из аэропорта, а вдали дикобразом поднимается даунтаун какой-нибудь столицы или просто большого города. Теперь по всему миру так – что Китай, что Эмираты. Место экономят, небоскребы строят. Опять же перещеголять всех хочется – ну-ка, кто выше? Особенно она полюбила Шанхай. Молодцы китайцы! Так поднялись, в магазинах любые товары – и так дешево!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.